
Ксения
Мэо
Нежеланная
Императрица
или
Постоялый двор
попаданки

Ксения Мэо

Нежеланная императрица, или Постоялый двор попаданки

«Автор»
2026

Мэо К.

Нежеланная императрица, или Постоялый двор попаданки /
К. Мэо — «Автор», 2026

В моем мире я разбилась на машине. Очнулась в молодом теле жены императора, обвиненной в государственной измене, за которую полагается казнь.Муж до суда ссылает меня в гнилую болотистую деревеньку, отдарившись убитой таверной.Но ничего, я и в этой гнилой топи смогу устроиться. Таверну починю, торговлю налажу, эпидемию хвори остановлю. И выясню, кто подставил хозяйку моего тела. Вот только неясно, зачем император, который меня ненавидит и сгноить хочет, являться ко мне снова и снова...

© Мэо К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. 5
2. 7
Визуалы героев 9
3. 12
4. 14
5. 16
6. 18
7. 20
8. 23
9. 25
10. 27
11. 30
12. 32
13. 34
14 38
15. 41
16. 44
17. 47
18. 50
19. 54
20 58
21. (Эдвард) 64
22. 68
23. 71
24. 73
25. 76
26. 79
27. (Эдвард) 82
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Нежеланная императрица, или Постоялый двор попаданки

1.

— Ваше Величество, она шпионила против королевства! — Скрипучий мужской голос ввинчивается в уши. — Мы не можем больше откладывать решение. Она заслуживает наказания. Леди Аделина должна быть казнена, как того требует закон!

Невероятная тяжесть в теле. Руки не поднять. Тело что-то сдавливает. Почему я вообще это слышу? Где я? Темновато для больничной палаты. Свет льется сверху из-за головы, а впереди комната утопает в полумраке. Стены каменные. Холодно.

Фокусирую зрение и различаю двоих мужчин, стоящих у тяжелой деревянной двери, обитой железяками, как из средневековья. На обоих одежда не из нашего времени… Камзолы а-ля френч, расшитые золотой нитью, узкие явно кожаные брюки. Высокие сапоги с клепками. Что за маскарад? Мне это чудится?

— Я понимаю твою точку зрения, Альфред, но леди Аделина — моя жена…— отвечает второй голос, глубокий, тягучий, будто знакомый.

В этот момент я встречаюсь взглядом с его обладателем — высоким мужчиной с длинными черными волосами, небрежно рассыпавшимися по широким плечам. Он красивый — высокие скулы, четкий подбородок, густые брови и глубокие темные глаза, но у него вид хищника, а взгляд черный, мрачный, прожигающий насквозь. Мужчина смотрит на меня так, будто знает, а я его не узнаю.

Мысли ворочаются медленно. Я помню, как увидела Мишу, своего настоящего мужа, в постели с соседкой. Как на эмоциях выбежала и села в машину. Как ревела за рулем в три ручья. А потом было… дерево! И белый свет сверху… Я умерла? Но чувствую себя живой.

Оглядываю себя. Вот, почему руки не поднять! Запястья сцеплены тяжелыми металлическими кандалами с короткой цепью. Довольно грубо выкованными, надо сказать. На мне платье, как у придворной дамы со страниц учебников истории, с декольте и изысканным кружевом, но замызганное и изорванное. Что же со мной произошло? И… это не мое тело! Грудь точно больше. Кожа слишком бледная. Это не я!

Отчаяние взрывается внутри потоком ледяного жара. Щеки начинают пылать, а пальцы рук леденеют.

— Я не… — произношу я заплетающимся языком, и слышу не свою речь. Не свой голос! Меня подменили!

На звук этого голоса ко мне поворачивается и второй мужчина. У него более грубое и более старое лицо. Волосы тоже длинные, с проседью, вместо камзола на нем различаю жилет, тоже расшитый золотом, и белую сорочку с широкими рукавами.

Он кривит лицо в жестокой гримасе и снова обращается к собеседнику, но смотрит на меня. В глазах мелькает злость, будто он за что-то меня ненавидит.

— Но Ваше Величество! Леди Аделина совершила государственную измену, едва не способствовала перевороту! — он наконец отворачивает от меня лицо. — Совет не примет такого великодушия с вашей стороны.

Его Величество смотрит на меня, а точнее, на тело леди Аделины свирепо, со смесью сожаления и ярости. Как это может ужиться в одной душе — непонятно.

— При всей тяжести проступка леди Аделины я не могу сразу вынести ей смертный приговор, Советник, — он опускает руку на висящий в ножнах на поясе меч, и у меня мурашки бегут по всей спине. У него вид такой, будто он сейчас собирается отрубить мне голову. —

Есть юридические нюансы, которые нужно учесть. Мы продолжим расследование, и я лично разберусь в ситуации.

— Какое расс… расследование? — вклиниваюсь я. — Вы меня с кем-то путаете!

Я предпринимаю вторую попытку как-то защититься. Чуждый, не мой голос режет по ушам, но это ничего. Эти двое сейчас решают, когда меня убить!

— Леди Аделина не в себе, похоже, — разочарованно комментирует мой выпад Советник, но быстро берет себя в руки и выговаривает с подобострастным придыханием: — Я окажу любое содействие, Ваше Величество!

— Можете идти, Альфред, — холодно отвечает Его Величество. — Сейчас оставьте нас с женой наедине.

Он снова смотрит на меня уничтожающим взглядом. Как бы там ни было, эта леди Аделина сделала что-то, за что её обвинили в государственной измене. А такие преступления во все времена карались смертью. Я могу понять ярость этого мужчины, не получается взять в толк лишь, как выпутываться. Это не мое тело. Аделина — не я! Меня вместо рая — или ада — забросило в непонятный мир, где мне с самого порога не рады.

Скрипучий звук вырывает из мыслей. Советник открывает дверь в, видимо, камеру, где меня держат, и уходит. А мой якобы муж поворачивается ко мне. Подходит медленно, но не крадется, а надвигается суровой громадой. Ох он и огромный же! Он человек вообще?

Чем он ближе, тем тяжелее ощущается его аура. Давит. Подчиняет. Внутри клубится странное чувство, что я его как будто знаю. Это все тело. Оно помнит этого мужчину.

Он останавливается вплотную и за плечи поднимает меня с пола, точно пушинку. Вжимает спиной в стену и сам подходит вплотную так, что я ощущаю жар его тела сквозь порванное платье.

— Ты предала меня, Адель, — хрипло и глухо говорит он мне на ухо, нависнув надо мной точно, грозовая туча. А у меня сердце заходится в истерике. То ли от его близости, то ли от ужаса, что он сейчас со мной сделает. — Я должен казнить тебя, но у тебя будет отсрочка.

Мне дурно делается от этих слов.

— Я ничего не сделала! За что меня казнить? — произношу как можно жалостливее. — Я не Аделина!

— Господи, Адель! До чего низко ты пала! — мужчина раскатисто смеется. — Я знаю все твои родимые пятнышки. На талии, — его голос становится более хриплым, а рука касается места, где, видимо, у меня родинка. — Под левой грудью. — Второй рукой он неожиданно сминает мою грудь, и я пошло охаю, заливаясь краской, но он стоит слишком близко, чтобы поднять скованные спереди руки. — На внутренней стороне бедра… — мужчина угрожающе задирает пышную юбку своей огромной лапищей. — Адель, мне все их тебе показать?

Откровенно рычащий возбуждением голос пробирает до костей. Тело предательски отзывается на его грубые ласки, а душа протестует. Я замолкаю и опускаю взгляд.

Мне не донести до него то, что я не Аделина. Хотя я никакая не леди, а тридцати восьми летняя Мария Стремянкина, простой корректор в издательстве, которое выпускает научно-популярную литературу.

Мужчина чуть отстраняется, отпустив меня, и я едва не падаю от внезапного головокружения. Он удерживает меня вертикально за плечо, но это прикосновение лишено страстного подтекста.

— Пожалуй, я принял решение, как с тобой поступить, — произносит он, глядя на меня непроницаемым взглядом.

От охватившего меня волнения сердце бьется под горлом, в висках пульсирует кровь. А он как нарочно тянет, смакуя мгновения моей паники.

2.

— Сегодня тебя выпустят из темницы, — император поворачивается и говорит не глядя на меня. — У тебя будет четыре часа, чтобы собрать все, что сможешь унести. Включая свою любимую Бетти. Не соберешься за это время, я отрублю вам обеим головы. А соберешься — повозка доставит вас на Юг королевства, где ты дождешься суда и дальнейшей казни.

Я вскидываю голову с желанием ещё раз возмутиться, но мужчина пригвождает меня к стене острым, как сталь, взглядом:

— Не надо, Адель, — выговаривает тяжелым тоном. — Просто не надо. Сохрани достоинство, не порочь имя отца и фамилию Харрингтонов.

Затем отпускает меня и решительно разворачивается. Я без сил падаю на колени и в панике смотрю на широкую спину, которая неумолимо удаляется. Стон ржавых петель, лязг тяжелой окованной двери — разговор окончен.

Неосознанно дергаю руки, и в запястья врезаются безжалостные кандалы, оставляя на тонкой бледной коже следы. Хочется кричать от бессилия. Но толку? Сколько еще мне тут сидеть в одиночестве? А вдруг Его Величество передумает меня выпускать? То ли от страха, то ли от холода меня начинает трясти.

Снаружи раздается топот тяжелых сапог. Дверь с противным карканьем распахивается, и в камере появляются два стражника в кирасах и с алебардами. У одного в руках отрез тяжелой ткани черного цвета. Стражники кивают с долей почтительности. Один осторожно поднимает меня, второй снимает оковы. После этого кто-то из них накидывает мне на плечи ткань. Это оказывается плащ с капюшоном, тяжелый и, наверное, теплый. Капюшон накидывает на лицо. Стражник берет меня под локоть — крепко, но не грубо — и выводит за дверь.

Мы идем узкими извилистыми коридорами. Капюшон позволяет рассмотреть только каменные плиты под ногами, обутыми в матерчатые полусапожки. Гладкие, отшлифованные множеством ног плиты плотно примыкают друг к другу, на них пляшут замысловатые тени факелов, от которых распространяется маслянисто-жженый запах.

Наши шаги эхом отскакивают от стен. И вот мы поднимаемся по ступенькам винтовой лестницы. В воспоминаниях всплывает экскурсия в Исакиевский собор. Потом снова мрачные холодные коридоры и крутые лестницы. Если бы не предупредительный стражник, который ведет меня под локоть, я бы уже упала. Хотя сдается мне, он вовсе не заботу проявляет, а просто держит меня, чтобы не сбежала.

Мы выходим на открытое пространство. Свежий воздух после тесной темницы кружит голову. Идем торопливо, я украдкой отодвигаю капюшон и рассматриваю куда попала. Ночной двор, мощенный булыжником. Высокие стены с узкими бойницами. Караульные у входов тихо переговариваются, но завидев нас, сразу вытягиваются по струнке и замолкают. Когда мы отходим, слышу за спиной сокрушенный шепоток.

Меня заводят в очередной коридор. Он разительно отличается от тех, по которым я только что плутала. Густой ковер, раскинувшийся во всю длину коридора, проглатывает звуки шагов. Огромные клетчатые окна пропускают лунный свет. Его светлые голубоватые пятна ритмично разбросаны по полу и перетекают на стены, выхватывая фрагменты многочисленных портретов и гобеленов.

Стражник подводит меня к высокой двери, когда его напарник распахивает ее перед нами, и меня легонько вталкивают внутрь. С мягким звуком дверь захлопывается за спиной.

В накидке становится душно и жарко, и я скидываю её с плеч. Прямо на пол. С непривычки жмурюсь от яркого света — тут во всю горят две потолочные люстры со свечами и многочисленные канделябры. Да еще камин в углу шпарит на полную мощность. Ну никакой эко-

номии! В льющемся со всех сторон свете становятся заметны синяки на запястьях. Сколько же Аделина просидела в темнице?

Ошарашенно осматриваю комнату. Это роскошно обставленная спальня. Посреди нее огромная кровать с бордовым балдахином из тяжелого бархата. Вот это пылесборник! В носу невольно начинает свербеть. С трудом подавляю позыв чихнуть и продолжаю осматриваться.

Снимаю полусапожки, ставлю у входа и делаю пару шагов. Ноги утопают в неимоверно длинном ворсе пушистого ковра. Тело отзывается ноющей истомой. Бедняжка Аделина! Нежные стопы совсем задеревенели в обуви, которую она, поди, и не снимала во время заключения, чтобы не замерзнуть. Позволяю себе ненадолго забыть о времени, закрываю глаза и с наслаждением поджимаю пальцы, а затем глажу измученной подошвой ковер. Сначала правой. Потом левой. Открываю глаза и дальше изучаю обстановку.

На стенах висят картины в барочных золоченых рамах. Тут и сарматские портреты власть имущих, и детализированные городские пейзажи а-ля Питер Брейгель, и незнакомые мне мифологические сюжеты в духе Босха. От одной картины, на которой изображен черный дракон, невероятно реалистичный, могучий, подавляющий, будто сошедший с полотен Вальехо, бросает в дрожь. Всё это — отголоски прошлой жизни, бесполезные знания из книги по истории живописи, которую я готовила к печати. Вот почему у меня не было среди проектов книг про заговоры и дворцовые интриги? Хоть какая-то польза от бесконечного сидения над страницами…

У окна столик на изящных изогнутых ножках с инкрустированной крышкой.

Но комната выглядит так, будто по ней ураган прошелся. Шкафы распахнуты, красивые платья безжалостно разбросаны по полу. Ящики на туалетном столике выдвинуты. Шторы сорваны. Повсюду раскиданы бумагами и разная мелочь. Что здесь произошло?

За спиной снова щелкает дверь, и раздается тонкий женский голос. Который я, к сожалению, тоже не узнаю.

Визуалы героев

Император Эдвард Дарквелл

Императрица Аделина Дарквелл (до замужества Харрингтон)

Мария Стремянкина

3.

— Госпожа! — раздается сзади взволнованно-радостный женский голос.

Вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Передо мной молоденькая стройная брюнетка в длинном коричневом платье, с белым передником и в кисейном чепце. Очень миловидная и нежная девочка. И, похоже, она — моя фрейлина? Служанка?

— Ты… Бетти? — спрашиваю я и снова пугаюсь собственного голоса. Он красивый и мелодичный, но не мой настоящий.

— Она самая, госпожа! Что же они с вами сделали?! — она всплескивает руками и прижимает ладони ко рту, оглядывая меня с ног до головы.

Мой взгляд сам находит зеркало, и щеки начинают пылать. Платье, изначально, по-видимому, голубое, сейчас непонятного серо-бурого цвета со светлыми пятнами. Вырез явно расширили чьи-то лапищи, а из юбки сбоку вырван клок от середины бедра. Боже, какое я посмешище!

— Да, — задумчиво замечаю я. — Переодеться не мешает. Есть тут что-то более удобное, чем это?

— Все платья у вас корсетные, госпожа, — Бетти опускает глаза.

— Ладно, у нас на сборы всего четыре часа. Выбери то, которое надевается попроще, хорошо? — Бетти кивает, но смотрит круглыми глазами. Похоже, её прошлая хозяйка общалась с ней иначе.

Она быстрыми легкими шажками пересекает комнату и подбирает одно из платьев на полу. Нежно-оливкового цвета, с воротником-стойкой и не совсем пышной юбкой. Хочу показать ей палец вверх, но она вряд ли поймет этот жест.

— Поможешь надеть? — вместо этого спрашиваю я.

Она заходит мне за спину и принимается расшнуровывать корсет.

— Как же ваш папенька, господин граф? — продолжает причитать Бетти.

— А что с ним?

— Вы забыли? Ох, Боги, как же так?

Повисает неловкое молчание. Мне, похоже, следует как-то мягче выяснять то, чего я не знаю, иначе решат, что я умалишенная или хуже того, ведьма. Хотя, может, это и на руку?

— Эх… Столько всего произошло, пока вы в темнице сидели… — Бетти тяжело вздыхает. — В вашей спальне, поглядите, обыск устроили, все раскидали… Своими сапожищами тут топали и лапищами шарили. А папеньку вашего, уважаемого Роджера Харрингтона, кристальной души человека… Бросили в тюрьму, словно преступника! Его ждет казнь! — в голосе отчетливо слышатся слезы. Она, похоже, очень хорошего мнения об отце Аделины. — Всё имущество конфисковали! — Бетти грустно вздыхает. — Я знаю, что вы не виновны, госпожа, но… Его Величество не желает это признавать…

Вспоминаю, что император пообещал казнить и меня, а вместе со мной и эту преданную служанку. Язык прирастает к нёбу. Внутри копошится вина, что девушка может пострадать из-за меня. Одергиваю себя — не из-за меня, а из-за леди Аделины. Что же она такого натворила? Ладно, время разузнать еще будет.

Корсетный верх платья выпускает мое тело из жестких объятий, и Бетти тянет останки наряда вверх. Под ним на мне на удивление симпатичные панталончики из тончайшего шелка. А грудь голая. Увесистая. Больше, чем у меня. Вообще все тело плотнее, хотя и моложе моего.

Бетти уверенными движениями напяливает на меня оливковое платье и принимается шнуровать корсет в нем. Доверяюсь опытным рукам служанки. Пока она возится с крючками и шнурами, ещё раз обвожу комнату взглядом. Тут есть сундуки, в них уберу какую-то одежду. Что вообще мне понадобится в этом мире? Хочется расспросить Бетти подробнее о том, чем

тут моются, как питаются, что носят, кроме вот этого винтажного барахла. Но на это нет времени. Четыре часа — и опоздание равносильно смерти.

Когда Бетти заканчивает с платьем, велю ей помогать собирать мой скарб и ещё раз напоминаю, что времени не так много.

— Берем самое необходимое, — строго наказываю ей. — У тебя, тоже, наверное, есть багаж?

— Вы решили взять меня с собой? — глаза Бетти вспыхивают искренней радостью.

Куда уж я без тебя…

— Госпожа, у меня всего несколько платьев, я очень быстро их принесу! — добавляет она, не дождавшись ответа.

— Тогда неси их к моим и начинай помогать.

По её замешательству я вдруг понимаю, что прежняя Аделина ни за что не стала бы что-то делать сама.

— Бетти! Живо! — прикрикиваю на неё.

Она вылетает из комнаты, а я направляюсь к вещам и принимаюсь их перебирать. Постепенно передо мной открывается личность настоящей леди Аделины. Она прекрасно вышивала, о чем говорят вышитые ею платки и картины. На полу валяются несколько книг, наугад раскрываю одну — куртуазный рыцарский роман. Как, видимо, и другие. На туалетном столике громоздятся скляночки. То есть себя жена императора любила и следила за красотой.

Вошедшая в комнату Бетти складывает несколько бело-коричневых свертков в сундук, куда я сложила какие-то свои наряды.

— Разберись с моими вещами и возьми то, что мне нравилось, — приказываю сосредоточенно, снова забыв, что я ведь должна знать, что в них. Ловлю растерянный взгляд девушки. — Сейчас нет времени на расспросы, Бетти!

Гардероб мы тщательно перебираем вместе со служанкой, отправляю в сундук пару дорожных платьев из плотной ткани. Одно из золотой парчи на случай важных переговоров. Твидовую пелерину благородного бордового оттенка и манто с капюшоном на меху. Ночные рубашки, белоснежные панталончики с кружевом, чулки тоже отправляются в сундук. Сверху ложатся перчатки.

Напоследок замечаю портрет мужа Аделины, почему-то рука сама тянется положить эту небольшую картину в сундук к остальным вещам. Пусть будет. Чтобы не забыть лицо человека, который хочет меня казнить при случае!

Внезапно дверь распахивается, и на пороге появляется император с несколькими гвардейцами. Недобрый взгляд прожигает меня насквозь, а Бетти смиренно опускает взгляд в пол. Мне хочется возмутиться, потому что по ощущениям четырех часов не прошло, но мне страшно злить этого человека.

— Время вышло, Адель! — усмехается Его Величество.

4.

— Вы пришли рано, Ваше Величество, — скрежещу сквозь зубы. — Я уверена, что четырех часов ещё не прошло.

— Я решил проверить твою расторопность, Адель, — император сверкает злорадным взглядом, а говорит совершенно ледяным голосом. — Там, куда ты уедешь, тебе понадобится шевелиться быстро!

Он оглядывает комнату и останавливается на открытом сундуке с вещами, в который мы успели сложить почти все. Сверху лежит его портрет и, кажется, в холодных глазах супруга леди Аделины что-то вспыхивает. Она, наверное, распознала бы эмоцию, я заметила лишь небольшое изменение, но он слишком быстро справился с лицом.

— Мы собраны, дорогой супруг, — выговариваю на его выпад. — Я умею действовать быстро.

— Я уже видел это в деле! — бросает император гневно, явно подразумевая что-то из прошлого Аделины. — Ну что ж. Раз собрались, гвардейцы вас проводят. Повозка уже запряжена и ждет. Ты выгадала себе и служанке несколько месяцев жизни.

Бетти отчаянно вскрикивает у меня за спиной. А Его Величество разворачивается и выходит в коридор.

— Соберись, Бетти, — шепчу ей и иду к сундуку, чтобы закрыть, но она обгоняет меня и сует туда пару толстых книжек в ветхом кожаном переплете.

— Будет чем занять себя долгими вечерами, госпожа, — комментирует свое действие и захлопывает крышку сундука.

К нему сразу же выдвигаются двое стражников в кирасах, ещё один поднимает с пола накидку, которую я, войдя, так и не потрудилась убрать, и резко встряхивает с видом «суй сюда свои плечи!». Подчиняюсь и сама нахлобучиваю капюшон. Похоже, ссылка императрицы тоже должна проходить в условиях секретности, чтобы потом можно было сказать, что она случайно отравилась грибами и побежала по радуге. Ну да, ну да, умно.

Двое стражников выносят наш с Бетти сундук, ещё двое берут меня за локти. Снова крепко, но не больно. Даже в какой-то мере уважительно. Последний пропускает вперед мою служанку, и вся процессия выходит в коридор.

Я почти не слышу своих шагов в матерчатых сапожках, их звук тонет в какофонии жестких шлепков, издаваемых ногами стражников.

Внезапно сзади раздается громкий вскрик Бетти, а затем гогот стражника, который её сопровождает.

Я останавливаюсь, вынуждая мою пару конвоиров сделать то же, снимаю капюшон и оборачиваюсь. Стражник продолжает похабно улыбаться, а меня зло берет. Что за манеры?!

— Что он сделал, Бетти? — спрашиваю пронзительно сурово. Стражник тут же перестает скалиться. Бетти только пунцовеет, но молчит. Повторяю вопрос уже с расстановкой: — Что. Он. Сделал?

— Ущипнул, — пищит девушка и закрывает лицо руками.

Ох уж эти рафинированные нравы. То ли дело в моем мире такого щипуна можно было бы сразу приложить сумкой, желательно с учебниками или кирпичами. А тут только краснеть, похоже, остается?

— Извинитесь перед дамой, — рычу на стражника. Он чуть бледнеет, но не торопится исполнять моей приказ. — Я требую! Сейчас же извинитесь! Или мне сказать Его Величеству, что вы позволяете себе распускать руки?

Теперь он заметно вздрагивает.

— Извините, мисс Стоун, — выдавливает мужчина и чуть кланяется.

— То-то же! — подмигиваю служанке и натягиваю обратно капюшон, показывая, что готова идти дальше.

Мы некоторое время петляем по коридорам, затем спускаемся по широкой лестнице, устланной ковровой дорожкой, проходим через необъятный зал с колоннами, от которых я вижу только огромные основания, к высоченным дверям, ведущим на улицу. Похоже, мы покинули дворец императора через главный вход.

Прохладный воздух врывается в легкие после удушливого во дворце. Хоть пространства и огромные, мириады свечей выжигают кислород. Снаружи на контрасте дышится полной грудью, и я даже получаю удовольствие, какое вообще возможно в моем положении.

Повозка и правда ждет метрах в двадцати. Четыре лошади с мохнатыми короткими ногами и добрыми мордами. На козлах возница — крупный детина с круглым лицом в утепленном тулупе. За ним возвышается кибитка, вроде тех, на которых детей катают по Дворцовой. Только эта черная, на вид деревянная и сильно обшарпанная. Будто Его Величество символически избавляется от жены, точно она — такая же рухлядь, как эта повозка.

Стража подводит меня к кибитке, я нащупываю ногой ребристую ступеньку и забираюсь внутрь. Следом за мной Бетти — садится на сиденье напротив. Сундук кладут на крышу и привязывают. Под его весом крыша пугающе проседает.

Сиденья тут деревянные, стенки кибитки щелистые, уже сейчас в них чуть подвывает ветер. М-да, дорога пройдет нелегко. Это уже сейчас можно сказать с уверенностью сто процентов.

Вид из кареты заслоняет верзила возница. Он берется ручищей за дверцу и представляется:

— Ваше Величество, я Джейкоб. Мне поручено сопроводить вас до места назначения, — затем закрывает скрипучую дверцу со стеклом.

И я, сама не знаю, зачем, выглядываю на улицу. Дворец отсюда выглядит красивой монументальной громадой. Внезапно взгляд выхватывает в тени колонны у входа плечистую фигуру с длинными седыми волосами. Узнаю это лицо. Советник Альфред! Наши взгляды пересекаются, и в его я вижу триумфальное выражение. Похоже, этот старик причастен к тому, что муж отсылает Аделину в какие-то дальние земли.

Раздается резкий звук хлыста, и повозка с рывком трогается. Деревянные, обитые металлом колеса дребезжат по камням мостовой. Трясет так, будто едешь на машине без сиденья и рессор. Но сейчас поздно роптать. Остается надеяться, что мы с Бетти живьем доберемся до пункта назначения.

5.

Едем молча. Наш пепелац нещадно трясет. Меня подбрасывает на каждом ухабе, и я приземляюсь попой на жесткую деревянную скамейку. Довольно скоро моя филейная часть превращается в отбивную и глухо ноет. В какой-то момент из-за толчка мы с Бетти подлетаем и стукаемся лбами. Падаем на свои места.

Потираю ушиб и невольно смеюсь от неловкой ситуации. Бетти с удивлением смотрит на меня. А потом робко улыбается. У неё милая, добрая улыбка.

— Бетти-Бетти… — произношу со вздохом. — Спасибо, что согласилась поехать со мной.

Спохватываюсь, что сморозила глупость. Но выпорхнувшего слова назад не вернешь. Выбора-то у девочки особого и не было. Вопрос был решен без нее. Но Бетти прямо расцветает от моей неосторожной фразы и горячо восклицает:

— Да как я могла бросить вас, госпожа? Даже если бы вы отказались меня взять, я бы… — мнется, но продолжает, — осмелилась напроситься с вами. Я же с детства служу вам!

— Правда? — удивлённо приподнимаю бровь.

— Ну как же? Меня к вам приставили ещё в малолетстве… Моя матушка была вашей кормилицей, вот и меня пристроили. Сначала служанкой, потом фрейлиной, когда вы замуж вышли… Ой… — осекается, заметив на моем лице раздражение.

Справляюсь с мимикой и прошу:

— Продолжай!

— Да что продолжать? Вы и так сами все знаете. Или… — она замолкает и пристально всматривается в меня. В ее взгляде читаются тревога и подозрение.

Подавляю нарастающую панику и судорожно соображаю, как оправдать «тотальную амнезию».

— Слушай, Бетти, — доверительно наклоняюсь к ней и перехожу на шепот. Впрочем, кибитка так гремит, что я вскоре начинаю говорить в полную силу. — Ты, наверное, уже заметила, что я веду себя немного… странно. — Бетти осторожно кивает, и я продолжаю: — Дело в том, что в темнице я потеряла сознание и, наверное, ударилась головой. С того момента я… — делаю драматичную паузу, — почти ничего не помню. И теперь ты, — кладу ей руку на плечо, — моя единственная надежда хоть что-то вспомнить.

В глазах Бетти плещется сострадание. Она с жаром говорит:

— Госпожа, можете на меня рассчитывать.

— Спасибо. Только об этом никто не должен узнать, — добавляю с полной серьезностью. Бэтти сжав губы в тонкую линию, кивает. Я благодарно смотрю на неё и прошу: — Тогда расскажи, кто я, какая я и как оказалась в темнице.

Служанка не скупится на похвалы и комплименты. Отметаю их, как ненужную шелуху, и стараюсь уловить самую суть. В голове постепенно складывается картинка.

Аделина — наследница знатного рода Харрингтон. Ее мать умерла, когда девочке было пять лет. Отец в дочери души не чаял, но воспитывал ее в строгости. К восемнадцати годам Аделина стала завидной невестой. В довесок к богатому приданому шли красота, острый ум, трудолюбие и доброе сердце. Девушка блестяще освоила все науки благородных девиц: вышивала, рисовала, изящно танцевала, умела поддержать разговор и обладала тонким вкусом. Неудивительно, что она легко обаяла самого императора.

В кибитку через маленькое окошко заглядывает рассветное солнце и выхватывает из морозной темноты лицо Бетти. За разговорами мы провели всю ночь, и на нервном бодряке даже не хотелось спать! Она с упоением рассказывает про свадьбу госпожи. Говорит, что Аделина всем сердцем полюбила мужа, разве что не молилась на него, и была ему преданна и

верна. Поэтому обвинения в измене с дипломатом соседнего, не очень мирно настроенного государства прозвучали как гром среди ясного неба. А плотская любовь к вражескому шпиону, да еще от особы королевских кровей, равносильна государственной измене. Так что результат закономерный — расследование, допросы, камера и нависшая над белокурой головкой императрицы угроза смертной казни. Что послужило поводом для обвинений, Бетти не знает, но урвала из подслушанного разговора слова «любовные письма».

Возница не останавливается у трактиров и продолжает путь. Если ориентироваться по солнцу, скоро будут сутки пути. Время медленно подбирается к сумеркам.

В окне медленно проплывают унылые пейзажи. Солнце, бодро светившее с утра, уже к полудню спряталось за свинцовыми тучами. По словам Бетти, нас везут в небольшую деревеньку на юге подальше от столицы. Это хорошо, потому что там тепло, воздух благодаря многовековому бору свеж и даже целебен, а само селение богато и благополучно.

Меня постепенно начинает клонить в сон, но я креплюсь, к тому же холодно, и зябкость не дает расслабиться по-настоящему. После заката, пока ещё не совсем стемнело, кибитка останавливается. Похоже, нам предстоит ночевка в придорожном трактире. С трудом могу идти. От многочасового сидения на жесткой скамейке в продуваемой всеми ветрами повозке всё тело болит, ноги гудят и едва разгибаются. С грацией столетней бабки ковыляю ко входу, стараясь закутаться в плащ и спрятать лицо.

Для ночлега нам выделяют две крохотных комнатушки. Джейкобу тоже надо где-то спать. В нашем «номере», который трактирщик расхваливал как лучший, замызганные окна и одна нешироkая кровать. Низкий потолок давит, закопченные обшарпанные стены вызывают уныние. Пол скрипит. А в темном дальнем углу, кажется, кто-то копошится и попискивает.

Мы наскоро ужинаем бледным хлебом и напитком вроде кваса в пропитанном жирным смрадом зале трактира и поднимаемся обратно в комнатку.

Ошарашенными глазами смотрю, как Бетти раскладывает по полу свою накидку.

— На полу спать собралась?! — вырывается возмущенно, прежде чем успеваю отфильтровать что говорю.

— Другой кровати нет, госпожа. — Бетти вздыхает.

В приказном тоне велю ей лечь со мной, не объясняя, что тут вряд ли есть антибиотики, чтобы вылечить её от воспаления легких.

Мы не раздеваясь размещаемся на продавленном матрасе, от которого слегка тянет травой и плесенью. Усталость берет свое. Проваливаюсь в тяжелый сон.

Бетти будит меня, когда в мутные грязные стекла заглядывают лучи солнца. Завтракаем чем придется и продолжаем путь.

В таком режиме проходит еще три дня. Меняется лишь пейзаж за окном да степень продавленности матраса в трактирах. И вот на четвертый день пути после обеда подъезжаем к месту ссылки. Мы вываливаемся из кибитки и растерянно осматриваемся. В груди зреет тревога. Это место совсем не похоже на то, которое описала Бетти. Тут явно какая-то ошибка!

6.

Щиколотки утопают в вязкой глиняной грязи. Мои матерчатые сапожки мгновенно промокают, стопы схватывает холод, начинают ныть пальцы. Я поддерживаю юбку, чтобы не извалять в грязище, и борюсь с рвотными позывами от удушающей вони. Стоит затхлый запах болотной гнили, хотя ветер нещадно треплет накидку. Вонь въедается в кожу и волосы. Похоже, я никогда не отмоюсь от нее.

Дома вокруг — одноэтажные и двухэтажные, чумазые. Дорога, по которой едва могут пройти лошади, всего одна, постройки громоздятся по сторонам, нависают и кренятся, точно хотят завалить единственный проезд. Домов немного, пару десятков. Приусадебные участки в запустении, а скотина, где есть, худющая и иссохшая.

Из ближайшего двухэтажного дома с бурой крышей выходит местный мужик в грязных лохмотьях, с засаленными волосами и облезлыми усами. Смотрит на меня взглядом, в котором светится презрение.

— Ох ты ж! Знать пожаловала! Да ещё и с дворцовыми вензелями!

Тон едкий, его слова режут по ушам, внутри начинает клубиться горькое чувство несправедливости. Меня ещё не знают, но уже не любят. И где он вензеля рассмотрел на чахлой карете?

— Что же вы ищете в нашей богом забытой глуши, госпожа? — продолжает ехидничать мужик.

В этот момент Джейкоб, который всю дорогу вел себя отстраненно и не выпячивался, угрожающе спрыгивает с козел и решительно направляется к нахальному местному.

Тот не двигается, не ожидая опасности, а наш сопровождающий вдруг хватает его за ухо, торчащее из-под грязных лохм, и как-то хитро выворачивает, вынуждая мужика согнуться.

— Извинись сейчас же перед Её Величеством, — гневно рычит Джейкоб. — И поблагодари! Сама императрица в вашу глушь пожаловала, чтобы навести порядок в вашем свинарнике!

Он отпускает местного, и тот, не удержав равновесия, падает в грязь. Вскидывает испуганный взгляд на нас с Бетти и мямлит извинения. Сжав губы, смотрю на эту деревенскую сцену отрешённым взглядом, хотя предпочла бы вообще не оказываться здесь. Это все какой-то лютый сюр. Хочется наконец проснуться и выдохнуть, что это был лишь кошмарный сон. Где я оказалась? И зачем?

Наш крепыш с довольным видом поворачивается ко мне.

— Пойдемте, Ваше Величество, я вас провожу, — он указывает на дорогу, которую перекрыла какая-то давно брошенная в грязи телега. — Мне также поручено вас охранять. Я вам покажу ваши владения.

Я невольно хмурюсь. «Владения» — это что? Это точно не замок, тут их нет, вообще ничего каменного. Похоже, я стала хозяйкой этой дыры.

Понуро следую за Джейкобом, рядом по грязи хлюпает Бетти и отчаянно пыхтит себе под нос, что эту грязь теперь не вывести. Бедняжка, ей, похоже, тоже непривычно оказываться в таких скотских условиях.

Мы останавливаемся у одного из домов посредине улицы. Он, наверное, самый приличный тут. Три этажа, остроконечная крыша, занятно украшенный конек, на стене болтается металлическая вывеска с выбитой кружкой. Стало быть, таверна. Таверна — вот что меня ждет в этом уголке мира.

— Вот, Ваше Величество, это строение передано в ваше полное владение, — басит Джейкоб, вырывая меня из мыслей. — Добро пожаловать.

Дверь открывается с хнычущим скрипом старых петель, а вместе с нами в пропахшее дешевой едой помещение врывается холод улицы. В углу горит камин, вдоль дальней стены тянется огромная стойка, над которой развешаны деревянные кружки. Женщина с округлыми чертами лица, слегка полноватая, в строгом, но грубо сшитом платье, появляется из-за этой стойки.

— Я Роза, управляющая. Чего изволят дорогие путники? — спрашивает она безэмоционально, как человек, который уже ни на что хорошее не надеется.

Джейкоб вынимает из-под тулупа письмо с сургучной печатью и передает ей.

— Указом Императора это заведение передается в собственность его жены. Ее Величество Аделина Дарквелл теперь является владелицей этой таверны.

Роза срывает сургучную пломбу, пробегает глазами документ, затем поднимает недовольный и подозрительный взгляд на нас с Бетти.

— Ладно, мы люди маленькие, — произносит разочарованно. — А нас-то с Виктором куда?

— А это уж ваши проблемы, мадам, — начинает Джейкоб, но я его перебиваю:

— Никуда уходить не надо, Роза, — произношу с улыбкой. — Талантливая управляющая мне не помешает. Лучше покажите, чем я теперь владею.

Роза не слишком охотно рассказывает немного о таверне, затем ведет нас наверх. Оказывается, мне досталась не только таверна, но и постоялый двор в придачу. Остывшие ноги начинают отогреваться в тепле, но по спине катятся ледяные мурашки. Это не постоялый двор, а рухлядь. Как все, что пока мне досталось от мужа.

На втором этаже из восьми комнат только четыре немного пригодны для проживания, остальные заколочены. На вопрос почему Роза отвечать стыдится, но я настаиваю.

— Стены в щелях, жучок поел, летом ещё сносно, а зимой жить невозможно, Ваше Величество, — горестно поясняет она.

На третий этаж дверь тоже заколочена. И по той же причине — стены дырявые, крыша протекает.

Я ужасаюсь невероятному запустению и не могу удержаться от вопроса:

— Почему вы не почините?

Роза с явным раздражением отвечает:

— А на что, дорогая хозяйка? Ой, простите, Ваше Величество...

— Не торгуете? — спрашиваю я следом.

Роза подозрительно смотрит на меня с видом, мол, вы точно императрица? И у меня в душе клубится ужасное предположение. Сердце тут же разгоняется, а по рукам бегут мурашки пугающих предчувствий.

— Так вы расскажете? — наседаю на управляющую.

— Вам, выходит, не сказали? — растерянно выдыхает она.

— Что не сказали?! — я уже успела накрутить себя так, что тревога зашкаливает.

— Наша деревня называется Зеленая не просто так, — хитро выговаривает Роза.

— И? — выкрикиваю я.

Роза наконец отвечает, а у меня на голове волосы шевелятся. Муж отправил меня на верную смерть. Элегантно решил проблему моей казни, чтобы я умерла тут сама.

7.

— Хворь у нас тут. Эпидемия. Доживаем как Бог на душу положит. Кто мог, уехал, — вываливает Роза.

Меня охватывает холодное чувство. Муж отправил меня сюда неслучайно — это его решение, избавить меня от жизни в «наказание». Прикрываю глаза и массирую ладонями виски, как будто пытаюсь успокоить застучавшую там со скоростью швейной машинки кровь. Вдох — выдох. Медленный вдох — ещё более медленный выдох. Беру себя в руки. Сердце переходит с галопа на бодрую рысь. Ладно, до заразы еще дойдет очередь. Сейчас надо заняться насущными вопросами.

— Госпожа! Вам плохо? — слышу обеспокоенный голос Бетти.

— Все нормально, Бетти, — успокаиваю ее, а затем перевожу взгляд на Розу и ровным голосом распоряжаясь: — Подготовьте для нас комнату. Мы здесь надолго.

Роза пожимает плечами и, поджав губы, произносит:

— Выбирайте любую! Вы ж тут хозяйка.

Понятно. Бунт на корабле. Ну, ещё не бунт, но попахивает итальянской забастовкой. Или это с болота тянет? К таким ворчунам, как Роза, на самом деле несложно подобрать ключик.

Изображаю самую учтивую улыбку и доверительно говорю смотрительнице:

— Мне бы очень пригодился ваш совет в этом деликатном деле. Ведь вы столько сил вложили в эту таверну! Поди, каждую половицу тут знаете. Так что лучше вас никто не расскажет о тех вариантах, которые есть.

Роза приосанивается и становится похожа на довольную лягушку. Она снова проводит нас по комнатам, на этот раз подробно расписывая плюсы и минусы каждой. Минусов ощутимо больше. Во всех!

Самый лучший вариант недалеко от лестницы. И пусть доски под ногами скрипят, а в углах колышется паутина, но тут хотя бы тепло и не пахнет болотом. А ещё тут есть плешивый ковер, рукомойник а-ля мечта дачницы, круглая медная ванна и даже хромой столик с крошечным круглым зеркалом. В следующей комнате обстановка победнее: ни ванны, ни ковра, ни зеркала. В дальней и угловой комнатах тепло и сухо, хотя из мебели лишь узкая кровать да скрипучий комод. На окнах пыльные куцие шторы. В угловой на подоконнике замечаю старое кресало и полусгоревшую свечу. Оглядываю угловую и выношу вердикт:

— Подготовьте нам эту! А соседнюю займет Джейкоб.

Роза округляет глаза, Бетти всплескивает руками. Смотрительница наконец выдавливает:

— Но ведь у лестницы комнаты побогаче будут, поприличнее да поприятнее.

— Вот именно! — отвечаю. — Их оставим постояльцам. Клиент должен чувствовать, что ему предлагают лучшее. А нам с Бетти многого и не надо. Джейкоб, уверена, видал места и похуже. Разве что в нашу комнату надо переставить вторую кровати для девушки.

Роза кивает и выходит.

Прохожусь еще раз по комнате, оценивая ее потенциал. Первое время обойдемся малым, но разжиться еще полками и стеллажами не помешает. В животе урчит. Смотрю на Бетти, которая в унынии застыла у двери. Бедняжка выглядит измученной, но ни словом не обмолвилась о том, что устала.

— Давай поедим, пока тут всё подготовят? — предлагаю ей, по-дружески подмигивая.

Бетти соглашается, и мы покидаем комнату. В коридоре сталкиваемся с Джейкобом и высоким худощавым мужчиной в ливрее насыщенного зеленого цвета. Медные пуговицы потускнели, локти масляно лоснятся, но стойкость краски поражает. Мужчины с пыхтением тянут наш сундук. У незнакомца морщинистое лицо с глубоко посаженными глазами, уголки губ опущены. Поравнявшись с ними, прижимаемся к стене, чтобы пропустить их.

Проплывая мимо меня, незнакомец пытается поклониться, но с сундуком в руках это не удается сделать. Поэтому он в итоге просто кивает и сипловатым голосом представляется:

— Виктор Стерн, моя госпожа. Смотритель.

Благосклонно наклоняю голову, изображая почтительное приветствие.

— Рада познакомиться, Виктор. Благодарю за расторопность. Надеюсь, что и впредь смогу рассчитывать на вашу помощь.

Виктор приосанивается, уголки его губ приподнимаются и он выдает бодрой сипотцой:

— Зовите, ежели что понадобится, Ваше Величество!

Мы расходимся. Мужчины волокут нашу кладь в комнату, а мы спускаемся по скрипучим ступенькам на первый этаж.

Роза

У столика под окном суетится Роза. Вижу, как она плюет на пятнистую тряпку и протирает ею стол. Боже, какая тут антисанитария! Подойдя, спрашиваю:

— Кхм… А где тут можно вымыть руки?

Смотрительница с недоумением смотрит на меня:

— Зачем?

— Я в дороге испачкалась, потом тут пыльную мебель трогала.

В глазах Розы появляется понимание:

— А-а-а! Так давайте я вам тряпкой вытру! — и она на полном серьезе тянется этим грязным недоразумением ко мне.

Я невольно отдергиваю руки и прижимаю к груди, с трудом сдерживая вопль ужаса. Выдавливаю:

— Спасибо, не надо. Кажется, я все же не очень сильно испачкалась.

Роза с удовлетворением смотрит на стол, жестом приглашает за него нас с Бетти и скрывается на кухне. Мы покорно садимся и подавленно молчим. Зато мой желудок уже просто воет мартовским котом. Вскоре появляется наша смотрительница, которая, видимо, тут еще и за повариху, с подносом.

Она ставит его перед нами. На подносе две тарелки с какой-то жижей зеленовато-серого цвета, две здоровенные кружки с мутным желтым напитком, который под стать назвать зельем, и приборы. Роза всё это хаотично расставляет на столешнице и отходит на шаг назад, ожидая то ли приказов, то ли похвалы.

Наклоняю кружку и нюхаю. В нос бьет кисло-сладкий запах.

— Это что, пиво? — спрашиваю удивленно.

Роза быстро отвечает:

— Так ничего другого нет же.

— Можете принести просто воду?

Женщина снова округляет глаза:

— Вам что, жить расхотелось? — затем спохватывается и уже извиняющимся тоном продолжает: — Ой, простите, Ваше Величество… Но… Где это видано, чтобы люди воду пили? Помереть же можно! Пузо скрутит… Простите, брюхо… Э… Живот… Живот заболит, вмиг позеленеете и того… А вина, чтобы разбавить воду, у нас нет.

Вздыхаю и принимаюсь ковырять ложкой липкое нечто в тарелке. Блюдо имеет консистенцию медузы и пахнет силосной ямой. Это отвратительно. С трудом давлю рвотные позывы. Бетти напротив меня с унынием смотрит на свою тарелку, тоже не решается приступить к трапезе. Я громко выдыхаю, с шумом отодвигаю тарелку и обращаюсь к фрейлине:

— Ну нет! Это никуда не годится. Так жить нельзя!

Девушка поднимает на меня полные грусти и отчаяния глаза и спрашивает:

— А что вы предлагаете, госпожа?

8.

— Ну, Бетти, — говорю я, заставляя себя собраться, — мы обе голодные, так что прямо сейчас нам нужно поесть. Нормально, по-человечески. Поэтому мы сами приготовим себе еды.

Бетти смотрит на меня круглыми глазами, будто я предложила ей прыгнуть с обрыва.

— Как? — спрашивает она, не в силах скрыть недоумение.

— Идём, — отвечаю я по-деловому. Времени на раздумья нет.

Мы направляемся к распашной двери, ведущей на кухню. Из проема тянет запахом несвежей еды, смешанной с ароматом дыма от костра. Я захожу первой и замираю в немом оцепенении. От представившегося зрелища которого мурашки бегут по коже.

Кухня тут — эталон заброшенности и запустения. Половые доски почернели и, кажется, проминаются на каждом шагу. В углу большая печь, с горизонтальными прутьями из металла над черными углями, над ней пара медных лоханей, которые давно утратили свой блеск и покрыты темной патиной. На стенных полках разложены какие-то съестные запасы, но в их качестве я совершенно не уверена. Вдоль других стен — старые, подгнившие плоские шкафы, где, судя по всему, тоже хранятся какие-то запасы. Бочка с мутной водой у печи выглядит печально как внутри, так и снаружи.

Напротив двери стену подпирает немного кривоватый разделочный стол, весь в каких-то липких пятнах, по нему бегают черные насекомые, а у стены белесые личинки, собравшиеся кучкой, будто им холодно.

От увиденного внутри копошится тошнота, и я отворачиваюсь к побледневшей Бетти.

— Бетти, ты, кажется, лучше меня понимаешь, что пригодно для еды, а что нет.

— Да, госпожа, — сдержанно отвечает она.

— Тогда перебери всю снедь, которую тут найдешь, — командую я. — А я займусь уборкой.

Она в который раз округляет глаза, но кивает, а я закатываю рукава платья и принимаюсь за работу. Беру ту самую тряпку, которой Роза протирала стол, и нахожу деревянную миску. Набираю в неё воды из бочки и, прополоскав тряпку, начинаю мыть стол. Мусор и крошки со стола пока смахиваю на пол, сами доски медленно, но верно отмываются и даже чуть светлеют. Внутри разливается ощущение слабой гордости за себя. Точнее, за белоручку Аделину, которая в глазах Бетти проявляет чудеса трудолюбия и небрезгливости.

Бетти тем временем продолжает осматривать запасы. Выкладывает на чистый стол клубни, похожие на картофель, морковь, немного крупы подозрительного качества, затем она добавляет ко всему мешок яиц. Вот это уже дело! Можно сделать что-то, что будет хоть немного съедобным.

Я ставлю на печь два медных ковша с водой из бочки. Один под суп, другой — чтобы сделать нам питьевую воду. Глядишь, даже неприятный запах уйдет от кипячения.

— Госпожа, что вы делаете? — спрашивает Бетти, закончив свою часть работы.

В углу стола она собрала небольшую кучу испорченных продуктов, которые нужно будет куда-то выкинуть.

— Суп овощной сварю нам, — отвечаю по-простому и показываю на второй ковш. — А это будем пить, когда остынет. Если воду прокипятить, она станет безопасной.

— А откуда вы это знаете? На кухне папеньки вашего спросили? — не унимается Бетти.

Похоже, в городах в курсе, что воду следует кипятить, а тут дремучий край.

— Импровизирую, — отвечаю с улыбкой.

В этот момент на кухню заходит Роза, которая до этого шуршала чем-то наверху. Она оглядывает меня и Бетти с явным неудовольствием.

— Вы что, и на кухне хозяйничать собрались, Ваше Высочайшество? — саркастично произносит Роза. Даже чуть краснеет от возмущения, во взгляде вспыхивает огонек негодования.

Я говорю спокойно, прямо глядя ей в глаза, но с твердостью хозяйки этого места:

— Простите, Роза, но то, что вы подали в качестве еды, несъедобно.

Её брови взлетают, и она буквально вскипает от злости, словно её не задели, а обрушились тысячи громов:

— Это потому что вы аристогадка, Ваше Высокоурождение! — она кривит губы в презрительной гримасе. — Тут все это едят, и ничего, живы, не жалуются. У нас тут не дворец и не найдете вы тут придворного лоска!

Я задерживаю взгляд на её лице, а затем, мягко, но твёрдо отвечаю:

— Я забираю себе бразды правления на кухне, Роза, — мне грустно отстранять её, но иначе я нормальную еду не добуду.

Роза на глазах звереет, хватает ртом воздух и упирает руки в бока.

— Ах, так! — рыкнув, она громко стучит пяткой в пол, и... В следующее мгновение вопит от боли, припадая на одну ногу.

Она почти падает. Юбки её простого платья скрывают, что происходит под ними, а сама женщина продолжает стенать и охать.

— Господи, Роза, давайте помогу! — вырывается прежде, чем соображаю, что делать.

Я мгновенно подлетаю к ней и принимаюсь задирать платье. Выглядит, наверное, не очень, но надо понять, что случилось. Когда я добираюсь до пола, замечаю, что нога Розы по колено провалилась под пол. Пробила прогнившую доску и, похоже, застряла между хищно заостренных щеп, словно в пасти неведомого существа. Ей и правда очень больно, надо помочь, но я не знаю, как.

Стараюсь поднять её, но одной не справиться. Едва не теряю равновесие. Зову Бетти на помощь. Роза продолжает голосить и, кажется, бормочет ругательства в мой адрес.

Снова зову на помощь остолбеневшую Бетти. Мы под руки вместе вытягивает Розу из ловушки пола, но она продолжает скулить. Похоже, ногу она таки повредила.

Я говорю, сдерживая эмоции, но с пониманием её боли:

— Вы в порядке? Не двигайтесь, я сейчас придумаю, как вам помочь.

Роза, в свою очередь, закусывает губу, сверлит меня гневным взглядом, но уже не так решительна, чтобы продолжать спорить.

— Проклятье! — стонет она, опираясь на наши с Бетти плечи. — Нога… Не работает… Я не могу опереться…

— Держитесь, — произношу сдержанно, но понимающе. И обращаюсь к Бетти: — Найди Джейкоба, пусть поможет Розе лечь. А я… пока доведу её до чего-нибудь, где можно сесть.

Бетти оставляет Розу висящей у меня на плечах, а сама убегает в зал.

— Злорадничаете, Ваше Благопристойшество? — едко спрашивает Роза.

Господи, какая же она язва. Но мне хватит великодушия не реагировать.

— Нет, у меня стало на одни руки меньше, а таверну хочется привести в порядок, — вздыхаю и аккуратно влеку Розу в зал. Там можно усадить её на стул. А она охает и стонет на каждое движение. Добавляю доверительно: — Я вас в беде не брошу, Роза, но у меня к вам одна просьба.

— Вот ещё! — фыркает она, но потом все же любопытство берет верх. — Что за просьба?

9.

— Не мешайте мне удерживать на плаву тонущий корабль! — смотрю на недоуменное лицо Розы и поясняю: — Вы не влезаете, когда я пытаюсь спасти таверну! Поймите, я не собираюсь соревноваться, кто круче ею командует, моя цель — привлечь клиентов и заработать денег. От этого все только выиграют. В конце концов, вы с мужем тоже в накладе не останетесь. Так что поднять таверну и в ваших интересах.

Ей хочется поспорить, но крыть нечем. Она постепенно приметмои условия. Пусть не сейчас, но уже скоро она согласится с новыми правилами. Будьте же благословенны, авторы учебника по антикризисному управлению! Именно там в процессе редактуры я наткнулась на сей прекрасный способ взаимодействия с враждебно настроенным персоналом. Кто ж знал, что мне пригодятся полученные уроки. Осталось лишь закрепить эффект. Поэтому я доверительным голосом, с нотой душевной просьбы, добавляю:

— И еще очень прошу вас поберечь себя, спокойно отлежаться, чтобы поскорее выздороветь. Вы нам очень нужны!

В этот момент в кухню вваливаются Джейкоб и Виктор. Увидев пострадавшую жену и дырку в полу, последний цокает языком и качая головой сокрушается:

— Сколько раз я предлагал заменить пол? Но ты как рогом уперлась!

Роза тут же свирепеет:

— А на какие шиши его менять? Где материал взять-то? — она забывается, вскакивает, тут же охает и падает на место. В глазах стоят неподдельные слезы.

— Ну и куда ее? — бурчит Джейкоб.

Задумываюсь буквально на пару мгновений. Пусть Роза немного сварливая и себе на уме, но она долгие годы поддерживала какую-никакую жизнь в таверне. Да и пострадала она у меня на службе. Я просто не могу бросить её на произвол судьбы.

— В комнату на втором этаже — ту, которая между моей и гостевой. А вопросом питания озабочусь я. Эй! Вы что творите?

Джейкоб и Виктор уже пристраиваются, чтобы взять Розу под плечи и за ноги. Но они могут повредить ногу, если у нее не дай бог перелом. И тогда что? Смещение? Тромбоз? Эмболия? Так нельзя. Надо придумать что-то более безопасное, чтобы не тревожить ногу. Что-нибудь вроде носилок.

Осматриваю кухню. Из подходящего только столешница. Но она тяжеленная. Да и, судя по всему, накрепко прибита к основанию… Тогда что? Вспоминаю описанные в изданном нами учебнике по ОБЖ способы и хватаюсь за один. Командую:

— Джейкоб, Виктор! Найдите две жерди и снимите ливреи.

Они удивленно переглядываются, но выполняют приказ. Вскоре я укладываю ливреи валетом, застегиваю их на все пуговицы и продеваю жерди снизу и вдоль бортов, а затем через рукава. Получаются импровизированные носилки. Аккуратно устраиваем на них горе-управляющую, предварительно обездвижив с помощью шины-поварешки и тесьмы с моего платья пострадавшую ногу. Мужчины дотаскивают женщину до комнаты и укладывают на кровать. Ну что ж, вместо двух гостевых комнат у нас теперь одна… Ве-ли-ко-леп-но!

Подсовываю Розе под спину пару подушек, закрываю шторами окна и оставляю ее в покое. Когда я тихо прикрываю за собой дверь, со стороны кровати доносится мирное посапывание, переходящее в храп.

Желудок вновь подвывает китовой песней. Ах да, я ж собиралась сварить суп.

На кухне аккуратно обхожу пролом в полу и перебираю отложенные Бетти продукты. Фрейлина стоит рядом, в смирении ожидая дальнейших указаний. Отправляю ее наверх разобрать сундук и проконтролировать установку кровати. Сама принимаюсь за суп. Быстренько

чищу овощи, нарезаю их кубиком. Хорошо, что стол почистили заранее. Высыпаю в одну из медных посудин и варю. Готовлю бульон, щедро сдобренный солью, которую я совершенно случайно нашла в самом дальнем углу шкафчика, когда искала приборы. Сразу добавляю крупу — что-то среднее между булгуром и перловкой — и под конец, как делала моя деревенская бабушка, выбиваю в суп пару яиц, сразу не размешиваю их, ожидая, когда они сформируются в туговатые белые с желтым жгутики. Хоть какой-то белок в блюде должен присутствовать. В следующий раз нарву для вкуса чего-нибудь вроде щавеля и зелени, а пока как есть.

В любом случае пахнет однозначно получше Розиной стряпни. Крупа разваривается и служит отличным вкусовым фоном для яркой моркови. Внешне суп тоже выглядит вполне себе аппетитно: прозрачный бульон с яркими овощами, схватившимся белком и золотистыми зернами. Не шедевр, но сойдет. Нахожу четыре более-менее приличные миски и наполняю их горячим супом. Иду наверх и зову мужчин и Бетти обедать, по пути проверяю Розу. Она крепко спит. Оставляю ей порцию на дне кастрюли в горячем очаге. Сервирую стол у окна в зале.

Вскоре слышу скрип и стон ступенек — Бетти, Джейкоб и Виктор спускаются в зал. Увидев накрытый стол, застывают в нерешительности. Приходится повторить приглашение:

— Прошу отобедать. Рассаживайтесь, угощайтесь.

Пока они пробуют, с напряжением жду вердикта. А вдруг вкусы, к которым привыкли в моем мире, слишком необычны для местных? Что они скажут?

Ловлю себя на мысли, что точно так же ожидала вердикта от мужа, которого откровенно баловала всякими изысками. Думала, он оценит… Как же я ошибалась! Но готовить я люблю и умею. По крайней мере, коллегам и друзьям нравилось. Может, хоть тут мое умение пригодится?

Слежу за каждым движением работников. Бетти набирает ложку, с подозрением смотрит на содержимое, а затем решительно отправляет в рот.

Затаив дыхание слежу за реакцией. Бетти вдруг меняется в лице, краснеет, ее глаза наполняются слезами. Внутри всё обрывается. Неужели так плохо?

10.

Бетти с огромным трудом сглатывает суп, вытирает слезы внутренней стороной запястья, а потом, приоткрыв рот, машет ладонью перед лицом, точно остужая язык.

— Божественно, госпожа, но дьявольски горячо! — выпаливает чуть придя в себя, хотя щеки все еще пылают.

Я не могу удержаться от лёгкой улыбки. Настроение слабо, но неуклонно улучшается.

— Подожди, пока горячее, Бетти, — произношу увещевательным тоном.

Видимо, она привыкла, что во дворце еда успевает остыть, пока её доставляют от кухни до столовой. Это дома все с пылу с жару и надо есть аккуратнее.

— Хочешь, подую? — с игривым выражением лица спрашивает Джейкоб, сидящий напротив.

Бетти краснеет ещё гуще и кидает на него короткий взгляд, но потом её лицо трогает смущенная улыбка, а глаза искрятся задорным интересом.

— Я сама подую, Джейкоб! — отвечает она, поглядывая на него украдкой. — Направь свои таланты на что-нибудь другое.

Она кокетливо морщит носик, и я отчетливо вижу её симпатию к нашему суровому крепышу.

— Только попроси, красавица, — мурлычет в ответ Джейкоб.

— Ну все, хватит шуток, — говорю я с улыбкой. — Ешьте оба.

Виктор молча наблюдает за происходящим за столом и принимается есть, когда от супа перестает валить густой пар. Где-то в душе все ещё копошится неуверенность, что моя стряпня будет принята в этом мире. Бетти же могла сказать что угодно… Я сосредоточенно смотрю в тарелку, однако украдкой поглядываю за реакцией смотрителя.

— Бетти сказала правду, госпожа, — Виктор проглатывает первую ложку, и, кажется, у него на лице разглаживается пара морщин. — Дивное кушанье!

Тарелки неуклонно пустеют, Бетти вскакивает из-за стола и собирает пустую посуду.

— Я ополосну посуду, госпожа, — воркует она, а сама снова украдкой стреляет глазками в Джейкоба.

Кажется, он ей настолько нравится, что её до жути смущает сидеть с ним за одним столом. Бедняжка. В нашем мире всё было бы проще, а тут приходится изображать целомудренность.

— Где здесь источники воды? Откуда вы её берете? — спрашиваю у Виктора, полагая, что ещё есть время сходить осмотреться. — Колодцы, источники?

Виктор смеряет меня удивленным взглядом, но все же отвечает:

— Простите, госпожа, уже поздновато для прогулок даже по деревне, — произносит сдержанно. — Фонарей нет, не ровен час ногу сломаете на здешних кривых дорогах. Могу завтра показать, как будет светло.

Я выглядываю в окно. На деревню опустилась такая темень, что не видно строения напротив.

— Ладно, — говорю я с легким вздохом. — Тогда нужно идти спать. Следует выспаться перед завтрашним днем.

Мужчины соглашаются. Я иду на кухню и выливаю остатки ещё горячего супа в чистую миску. Вручаю её Виктору со словами, чтобы накормил жену. Он кивает, и они с Джейкобом уходят наверх.

Я возвращаюсь на кухню и немного помогаю Бетти с уборкой, потом мы поднимаемся к себе в комнату.

Свет луны из окна высвечивает на подоконнике огарок свечи и старинное кресало. Если бы не редактировала историческую статью о способах разведения огня, не узнала бы!

Я зажигаю свечу, но быстро понимаю, что надолго света нам не хватит, так что даже не почитать перед сном.

— Давай обживём эту комнату как можем, пока есть свет, — предлагаю Бетти, и она соглашается, хотя по ней видно, что едва держится на ногах. Как и я.

Мы перебираем наш скромный скарб, и я нахожу старинный кожаный кисет с чем-то тяжелым внутри. Высыпаю на руку — несколько золотых монет и горсть медных.

— Вот это сюрприз, — шучу я, улыбаясь. — Не думала, что я настолько богата!

Бетти хихикает, но её улыбка кажется немного робкой, скорее от облегчения, чем от настоящего смеха.

— Это ваши деньги, я положила в сундук ещё в замке, пока мы собирали вещи, — поясняет она. — Сходить вниз за лоханью и водой, госпожа? Мыться будете?

Представляю, как это будет, и понимаю, что не способна на такой подвиг. Да и в комнате не сказать что жарко. Радует, что у Розы оказались в наличии одеяла! Предчувствую, с каким скрежетом заставлю себя раздеться, чтобы влезть в ночную рубашку.

— Нет, Бетти, я слишком устала, — отвечаю я. — Устроим банный день в другой раз.

— Как прикажете, госпожа, — соглашается Бетти.

Я оглядываю комнату, отмечая её простоту и убогость, но от того, что мы вдвоем в этой комнате, становится легче. Вдвоем как-то проще справляться с этими тяжелыми условиями.

Бетти помогает мне раздеться догола, и мне сразу становится до жути холодно. Служанка передает длинную в пол хламиду из тонкой хлопковой ткани, которую я поспешно напяливаю и с болью смотрю на настуженную постель. Мне придется туда лечь и попытаться согреться. Но сначала я помогаю Бетти переодеться ко сну. Все-таки здешняя мода как нарочно заставляет тебя кооперироваться с подружкой.

Мы забираемся под тяжелые, пропахшие сыростью одеяла, и я желаю Бетти спокойной ночи, хотя у самой сна ни в одном глазу. После такого дня по венам шурует нервная бодрость, как уснуть в таком состоянии?

Бетти засыпает, едва голова касается подушки. Я закутываюсь в одеяло и… тоже мгновенно проваливаюсь в сон.

В сон вклинивается истошное пение петухов. Я открываю глаза — за окном забрезжил рассвет. От лица поднимается самый настоящий пар. Градусов десять, наверное, в комнате — дико холодно. Бетти, по горло укутанная в одеяло, стучит зубами.

В комнате проходит кирпичная труба от печи, но, похоже, все в ней давно прогорело и тепло рассеялось. Наша комната пропитана холодом. Возникает ощущение, что это место целенаправленно пытается убить всех, кто его населяет.

С трудом заставляю себя скинуть одеяло и встаю босыми ногами на ледяные доски. Ступни начинают ныть.

Бетти вскакивает следом.

— Госпожа, что же вы делаете? Вы же простудитесь! — она бежит к горе моих платьев, прыгая с ноги на ногу, и вынимает бордовое плотное, как из парчи. — Скорее одевайтесь!

Местами меня поражает её самоотверженность, но так, видимо, принято. Она быстрыми движениями шнурует на мне корсет, а юбки я расправляю сама. Потом почти в приказном тоне объявляю, что помогу одеться ей. Она научится принимать мою помощь, но пока приходится заставлять.

Обувшись, мы спускаемся в кухню. Голод снова булькает в желудке, так что я сразу принимаюсь растапливать печь. Бетти говорит, что принесет ещё дров из поленницы, и уходит.

Пока огонь разгорается, умываю лицо под здешним рукомойником. Ледяная вода схватывает скулы тягучей болью. Нет, здесь, определенно, самые скотские условия для жизни, которые можно себе только представить!

Когда мы умываемся под рукомойником, в зал кто-то спускается.

— Доброе утро, госпожа, — грубоватый, но с вежливой интонацией голос Джейкоба звучит у меня за спиной. — Какие распоряжения на сегодня?

Я поворачиваюсь, отрываясь от печки, и перечисляю:

— Сопроводишь меня по деревне, мне нужно познакомиться с местными. Ещё обязательно найти плотника, который займется починкой стен и пола. Кроме того, нужно посмотреть, что с водой. Надо придумать, где брать ингредиенты….

Поднимаю голову и замечаю, что Джейкоба в дверях кухни уже нет. Тихо ушел, даже не дослушав?!

В груди внезапно остро колет беззащитность и одиночество. Слезы подступают к глазам, но я сдерживаюсь, чтобы не расплакаться. Здесь проблема на проблеме, и все они из разряда смертельных. Не решишь — умрешь от холода, голода или антисанитарии. Слишком много вопросов без ответов, самый главный из них — ну придумаю я, как выжить, как быть дальше, когда мой здешний муж уладит юридические формальности и пригласит меня во дворец, чтобы казнить?

Мысли захватывают сознание, унося в вородворот переживаний, пока из него меня не вырывает голос, доносящийся из зала:

— Утро доброе! Есть кто живой?

Незнакомый голос. Становится и страшно, и любопытно. Я поспешно расправляю юбки и выхожу в зал.

11.

В груди щемит надежда, что это постоялец, а значит, у моего заведения появится первый доход.

У входа, подбоченясь, стоит немолодой мужчина в дорожной одежде. На темном лице выделяются светлые густые борода и усы. Он с ног до головы заляпан грязью, на плече болтается старая заплечная сумка, сдувшаяся, словно воздушный шарик. Мужчина с недоумением и пренебрежением рассматривает убранство таверны.

— Ну и дыра… — бурчит себе под нос.

Вздергиваю голову, выпрямляю спину и любезным голосом приветствую незнакомца:

— Доброе утро. Чем могу быть полезна?

Он поворачивается ко мне, проходится по мне заинтересованным взглядом и затем расплывается в улыбке. Выпячивает грудь, подкручивает ус одной рукой и направляется ко мне:

— Да вот, хозяюшка, мне бы перекусить да отдохнуть с дороги. А то пока забрался к вам, вымотался и устал.

Предлагаю гостю сесть и возвращаюсь на кухню, судорожно соображая, чего бы такого приготовить. Первого клиента надо, просто необходимо уважить. Вариантов, впрочем, немного. Придется фантазировать. Выбиваю в миску несколько яиц, разбалтываю не взбивая, выливаю на разогретую сковороду и жарю тонкий яичный блин. С местными сковородами и очагами я пока на «уважаемая, не соизволите ли», так что внимательно слежу, чтобы яичница не подгорела.

Бетти неумело складывает дрова рядом с печкой. Командую:

— Начисти пару картофелин, морковь и луковицу.

Она тащит грязные овощи на отмытый стол, берет нож и начинает срезать им кожуру от себя, будто точит карандаш. Я не могу помочь, потому что застыла в готовности перевернуть яичный блин. В этот момент в кухню входит Джейкоб. Увидев девушку, которая неумело воюет с картофелиной, усмехается, приближается и, словно взрослый у ребенка, выхватывает у нее нож и клубень со словами:

— Дай-ка лучше сюда, хозяюшка, еще порежешься, — произносит с доброй поддевкой. — Займись лучше чем-то менее опасным.

Бетти отчаянно краснеет, но при этом задирает нос, фыркает, отворачивается к печке и снова принимается возиться с дровами.

Джейкоб быстро чистит овощи, я уже выложила на тарелку бледно-желтый блин. Тщательно перемываю клубни, морковь и лук и быстро шинкую их под взглядом округленных глаз Бетти. Ну да, Аделина вряд ли так умела. Мне-то неудивительно — руки помнят из прошлой жизни.

На той же сковороде готовлю овощную соломку. Выкладываю на яичную основу, разравниваю по поверхности, а затем сворачиваю в рулет. И нарезаю, как роллы. Эх, сыра бы еще… Но и без него сытно и выглядит необычно. Ставлю всё на поднос, Бетти добавляет кружку кипяченой воды. Выношу угощение гостю.

Расчет оказывается верным. Посетитель уплетает омлет за обе щеки, аж постанывая. Отодвинув пустую тарелку, вытирает губы и говорит:

— Спасибо, хозяюшка. Вкусно кормите. Пожалуй, задержусь на денек. Будет у вас комнатка для скромного стеклодува Мурано?

Зову Виктора и перепоручаю ему гостя. Мурано очень бережно поднимает свою поклажу на второй этаж. А я молюсь, чтобы ступеньки не обрушились под ним. Но все обходится.

Для себя и сотрудников готовлю обычную яичницу. Из последних яиц. Затем собираюсь на разведку в деревню. Бетти помогает мне найти в вещах теплые шерстяные чулки.

Из невзрачной шкатулки на дне сундука моя фрейлина достает серебряную брошь для крепления плаща — кольцо и отдельная длинная игла. Кажется, это называются фибула. Некоторое время рассматриваю необычное украшение. На кольце устроился изящный дракон, расправивший крылья, каждая чешуйка воинственно вздыбилась, пасть открыта, и даже можно рассмотреть зубы и язык. Настоящее произведение искусства!

Бетти умело закалывает мой плащ, а я, вспоминая картины и гобелены, которые мельком увидела в императорском замке, поражаюсь, насколько местная знать повернута на драконах. Впрочем, будто в моем мире было иначе.

За главного оставляю Виктора, которого предварительно хорошенько расспросила о местности. В сопровождении Джейкоба и верной Бетти, закутанная в шерстяной плащ так, что торчит лишь нос, отправляюсь в деревню.

Деревня — это громко сказано… Правильно выразился мой постоялец — дыра, да и только… Над домами висит густая тишина. Лишь иногда вскукарекнет невидимый петух, тявкнет собака или протяжно замычит корова. В воздухе, как и вчера, держится тошнотворный затхлый запах. Сегодня ещё и туман опустился, непроглядней.

Идем к дому, который на фоне остальных выглядит не таким покосившимся и ветхим. Тут живет староста. Джейкоб уже заносит руку, чтобы постучать. Но дверь отворяется сама, и из дому вываливается мужчина средних лет с мясистым лицом, в холщовой рубахе, коричневых штанах и темной жилетке — ну прям наряд Шрека. Сходство усиливает зеленоватый оттенок кожи. Староста держится за косяк и вяло рассматривает нас, а потом кланяется и с сипло говорит:

— Ваше Величество! А я думал, когда же вы нас посетите? Пит вчера доложил о вашем прибытии. И что же вы забыли в наших-то краях?

Джейкоб гневным голосом грохочет на пол-улицы:

— Не твоего ума дело, по какой надобности тут императрица.

Староста вжимает голову в плечи, бледнеет и затравленно смотрит на моего спутника. А я милостиво улыбаюсь и сообщаю:

— Любезный, извините, не знаю вашего имени. Я приехала помочь вам и остальным жителям деревни. Требуется полное ваше содействие.

Староста настороженно смотрит на меня, словно ожидая какого-то подвоха. Я же стараюсь держаться уверенно и упираю в крестьянина серьезный взгляд. Пусть видит, что я не шучу. Староста расслабляется и сипло говорит:

— Я Вильям, Ваше Величество! Готов помогать во всех вопросах… Да что же вы на ветру стоите? Проходите! В тепле же лучше обсуждать серьезные вещи.

Мы проходим в темную убогую комнатушку, в которой вопреки словам старосты довольно зябко. Хозяин дома пододвигает мне единственный стул. Благодарю и сажусь. Приступаю сразу к делу:

— Итак, во-первых, я бы хотела познакомиться с жителями. И среди них найти плотника и поставщика продуктов. Для таверны необходимы хорошие овощи, мясо, молоко, сыр, яйца и крупы. А также вода. Хорошая чистая вода, которую можно пить.

Стоит мне озвучить перечень проблем, как бедняга Уильям сдувается, горбится и начинает нервно тереть ладони. Он поднимает на меня испуганный взгляд и дрожащим голосом мямлит:

— Госпожа, тут такое дело…

12.

Староста стоит рядом и выдавливает из себя каждое слово, с трудом сдерживая волну отчаяния.

— Всё плохо, Ваше Величество, — говорит он трагично, вздыхая через слово. — Плотник болен, лежит в лихорадке. У нас тут все болеют. Колодец, вы, наверное, заметили, зацвел. Родник уже пару недель как завалило буреломом. Деревня плавает в грязи.

Я сжимаю губы. Каждое его слово пробегает по коже ледяным ознобом. Проблемы в деревне поистине огромные, и, похоже, решить их по щелчку пальцев невозможно. Но я же не из тех, кто сдается! У меня в руках какая-никакая власть и, главное, знания, которых нет у местных. Я должна действовать!

— Вы про провизию говорите, — с сожалением продолжает староста. — Продуктов нам самим не хватает. Если бы не я, то и не выжили бы, наверное...

Он скромно опускает голову, будто ему стыдно за то, что деревня такая беспомощная, а между тем приписывает себе заслугу по спасению жителей. Хитрый жук.

Я молчу, позволяя ему выпустить весь поток отчаяния, а у самой внутри растёт чувство невыносимой решимости. Я не позволю этой деревне загнуться.

— Я не позволю нашей Зеленой деревне погибнуть, Вильям. Мы будем действовать, — говорю я уверенно, стараясь не выдать своих мыслей, чтобы не развеять надежды. — И от вас мне потребуется полное содействие. Готовы?

Староста выглядит так, как будто не верит в мои слова, но я не собираюсь отступать. Проблемы тут, конечно, ужасные, но решение найдется.

— У меня есть план, — продолжаю я. — Сейчас проводите меня к дому плотника.

Староста кивает и указывает на дверь. Он еле тащит ноги. Вроде не старый, а похож на обессиленного старика. Так выглядят отчаявшиеся и потерявшие надежду люди.

Дом плотника находится почти в самом конце единственной широкой дороги в деревне. Заметно, что тут живет рукастый человек. Конек под крышей резной. Ставни тоже украшены резными башенками. Но и тут царит запустение, один угол дома проседает, из-за чего дверь не закрывается до конца, оставляя щелку.

Жена плотника встречает нас подозрительным взглядом, но пропускает внутрь, когда Джейкоб говорит, кто к ней пожаловал. Она суховатая женщина лет сорока с землистым цветом кожи и ранними морщинами, представляется Матильдой.

— Ваше Величество, — говорит она настороженно. — Мы бы рады вам помочь с ремонтом… Вы же поэтому пришли? Но Джон болен. Он в лихорадке и не в состоянии работать.

Она говорит это с таким видом, будто я ей нож к горлу приставила и заставляю её мужа пахать на меня. Кто-то ей уже донес о том, что я начинаю наводить порядок.

— Нет, Матильда, я пришла познакомиться с вашим мужем и я очень сочувствую, что застала его не в здравии.

Я подхожу к его кровати. Мужчина действительно выглядит неважно — бледное, лоснящееся от пота лицо, запавшие глаза, темные круги под ними. У кровати стоит лохань с рвотными массами, от одного вида которой поднимается тошнота, не говоря уже о запахе. Ещё в гостиной дома пахло затхлостью и грязью, а тут вонь невероятная.

— Что за хворь? — спрашиваю я у Матильды.

Она с болью в глазах отвечает:

— Да мы сами не знаем… — в ее голосе явственно звучит печаль. — Так вся деревня, Ваше Величество. Уже давно. Кто-то выздоравливает, но кто-то вновь заболевает. И все по кругу.

Я начинаю анализировать симптомы. Все указывает на ротавирус. Он проявляется лихорадкой, тошнотой и слабостью.

— Матильда, придворный лекарь сталкивался с таким заболеванием и рассказал мне, как его лечить, — произношу доверительным тоном, и в глазах женщины вспыхивает огонек надежды. — Слушайте внимательно.

Под видом умных мыслей светилы дворцовой медицины я рассказываю ей о методах лечения ротавируса, которые знаю сама. Пить больше жидкости, чтобы снять симптомы интоксикации. В еду только отварную крупу или картофель, максимум допускается овощной суп. Никакого переохлаждения, и менять мокрую одежду, не допуская остывания. Как придет в себя, компресс с чабрецом и ромашкой на лоб, снять головную боль.

— Но, Матильда, это очень важно, — фокусирую на себе её внимание и продолжаю: — Воду давать только после того, как она пробурлила на огне. Вы понимаете?

— Прокипятить сначала? — догадывается женщина. Какое счастье, что они в курсе, что это такое. Непонятно только, почему раньше никто до этого не додумался!

— Прокипятить, остудить, давать пить мужу как можно больше, — пронзительно смотрю ей в глаза. — И ни-ка-кой сырой воды, ясно?

Матильда кивает с благодарностью во взгляде.

— Если будете делать, как я говорю, Джон поправится. И не нарушать ни одного пункта! — добавляю с напускной серьезностью. — И обращайтесь за помощью, если понадобится. Не стесняйтесь.

Когда мы выходим от плотника, тяжесть снова ложится мне на плечи. Вдруг плотник не поправится? Вдруг я неверно диагностировала его недуг? Ох, не хочется думать о плохом. Ещё сочтут ведьмой или кем похуже…

Староста ведет нас к зацветшему колодцу, и мы проходим мимо дома, рядом с которым стоит просторный сарай, откуда доносятся звуки картёжной игры и мужские голоса.

Я останавливаюсь. Мужчины играют на деньги, весело смеясь и шумно комментируя ходы. То есть вот так! В деревне есть и здоровые, работоспособные люди при деньгах. В таком случае можно наладить торговлю.

Мы добираемся до колодца. Он и правда зацвел. Староста натужно поднимает одно ведро воды, от которой несет болотной тиной и гнилью.

— Очисткой колодца займемся позже, — заявляю деловито. — Это возможно, но придется убрать всю воду, отскоблить стенки и начистить их песком с солью.

Староста округляет глаза, но не спорит, а во взгляде появляется уважительное благоговение.

На этом я его отпускаю. Пусть идет по своим старостиным делам, а у меня на сегодня осталась ещё одна важная задача.

13.

Сердце тревожно сжимается при мысли, что найти продукты в этой деревне окажется нереально. Что тогда? Искать запасы по окрестным деревням? У меня есть карета, но я даже близко не представляю, где тут другие села. Далеко ли до них, можно ли проехать?

Мы идем куда ноги несут. Деревня плотнячком сгрудилась вокруг главной дороги, но есть дома и на отшибе. Я на удачу указываю Джейкобу с Бетти на дом вдалеке.

— Вон ту усадьбу посетим и обратно, — велю с видом императрицы, а чувствую себя выжатым лимоном. Утомилась ходить по холоду и грязи. И сапожки снова мокрые. — Нам, Бетти, нужно заняться кое-чем важным, так что прогулку следует завершать.

Кажется, удача наконец улыбнулась мне. Дом, к которому мы подходим, ухоженный, симпатичный, хотя и небольшой. Но от него веет живым дыханием цветов и свеже вскопанной земли. А ещё с дальней части участка слышится кудахтанье и мычание. Прямо то, что надо!

Я прохожу сквозь открытую Джейкобом калитку и стучусь в дом.

Открывает женщина. Выглядит лучше, чем другие, кого мы встречали, одета в темное длинное платье и светлый передник. Вытирает руки о слегка замызганное полотенце.

— Я Фрейя, — представляется женщина. — Чем могу помочь, Ваше Величество?

Она смотрит на меня настороженно. Похоже, это общая тенденция для этой деревни — не доверять мне только за красивые глаза и титул.

— Вы уже осведомлены, Фрейя, что постоялый двор теперь в моем ведении, — произношу как можно доброжелательнее. — Я хочу наладить поставку продуктов для таверны. — По взгляду понимаю, что она думает, я за бесплатно собралась брать, поэтому тут же поясняю. — Я бы назначила вам жалованье, три медных в неделю, за то, что вы будете поставлять мне основные продукты.

Она на глазах светлеет.

— Хорошо, — произносит с ласковой улыбкой. — У меня небольшое хозяйство, хотя излишки продуктов бывают. Я обычно их раздаю.

— Но продавать выгоднее, не правда ли? — встревает Джейкоб из-за моей спины.

До этого он молчал и стоял за плечом мрачной тенью. Что это его дернуло вдруг вмешаться?

— Мне и нужно немного, — произношу я и перечисляю продукты. Овощи, яйца, мясо, когда появляется. — А крупы вы выращиваете?

— Нет, — вздыхает женщина. — Это к Винсенту надо обращаться, а он цену за свою рожь ломит…

Она причитает о каком-то соседе. А у меня в душе взвивается жуткое чувство несправедливости. Когда одни голодают, другие жиреют?! Нет. Так не пойдет. Надо вразумить этого Винсента, как только узнаю, где он живет.

— А у вас сейчас есть излишки запасов? — спрашиваю заговорщически и вынимаю из кисета один медяк. — У нас в таверне совсем есть нечего.

— Так вы голодные, Ваше Величество?! — восклицает женщина и зовет нас всех в дом. — Проходите! Я недавно обед сделала!

Мне неловко принимать это приглашение, но желудок ноет от голода. Пока ходили туда-сюда, время пролетело и уже обед на носу.

Фрейя усаживает нас за стол, ставит тарелки — глиняные, с прекрасным керамическим покрытием.

— Ой, какая красота! — восклицает Бетти, разглядывая посуду.

— Да, Фрейя, тарелки очень красивые, — соглашаюсь. — Я таких в деревне не видела. Откуда они?

Фрейя рассказывает, что Зеленая деревня находится на границе с соседним государством. И пока её муж был жив, часто ездил туда торговать. Тарелки и многое в доме куплено там, в Инкервилле. А теперь мужа уже как полгода нет, и это память, которая от него осталась.

Я искренне соболезную её утрате. Муж у Фрейи, похоже, был человеком рукастым и заботливым. В доме все очень аккуратно сделано, с любовью. Горько, когда такие союзы рушатся.

Еда, которой угощает Фрейя, не отличается изысканностью — картофель, морковь, что-то ещё, порубленные крупными кусками, плавают в навaристом свином бульоне вместе с такими же крупными шматами жирного мяса. Выходит очень сытно, хотя шедевром кулинарии не назвать.

Я кладу на стол ещё один медный Фрейе за гостеприимство, а она в ответ вручает нам огромную корзину овощей, сверху которых в холщовой тряпке лежит кусман твердого мяса. Похоже, вяленого.

Джейкоб нахваливает обед и поднимает корзину. Мы прощаемся с хозяйкой и покидаем её дом сытыми и счастливыми. Настроение улучшается. Все можно решить. Жизнь потихоньку налаживается. Надо только не тормозить и двигаться вперед.

До таверны добираюсь без задних ног от усталости. Хочется лечь. Эмоционально я бодра, но тело изнеженной Аделины совершенно не приспособлено к нагрузкам. Бетти раскладывает по шкафам и полкам на кухне только что полученные овощи, мясо кладет сверху на стеллаж.

Я готовлю овощной суп для Розы, к нему добавляю кусок мяса в прикуску и отправляю Бетти её покормить, а сама иду в одну из нежилых комнат и, кутаясь в плащ, осматриваюсь.

Она больше и обставлена лучше нашей — добротная широкая кровать, стол с зеркалом, письменный у окна, шкаф в половину стены у двери. Отличная комната для супружеской четы! Только надо довести до ума.

Тут много придется сделать и первое, что требуется, — законопатить щели. Для этого понадобится много соломы или сушеного мха. А в идеале ещё найти смолу или нечто подобное, чтобы залить насованный в щели утеплитель поверх однородной тугой пленкой. Только откуда взять смолу — непонятно. Или, может, есть другие способы?

Бетти остается шуршать на кухне, готовя всем на ужин суп типа того, которым нас угостила Фрейя, а я продолжаю заниматься комнатой. Вооружившись ножом отскабливаю восковые потеки со столешниц, затем мою и, когда просохли, полирую дерево собранным воском. Это муторное занятие, нужно круговыми движениями втирать воск в древесину, но оно того стоит. Когда я заканчиваю, мебель приобретает благородный матовый блеск и смотрится не старой, а дорогой.

Перехожу к шкафу. На нижней полке явно гуляли мыши — погрызы на дереве и частички мышиного помета. Аделина, наверное, в обморок бы брякнулась, я же не брезгливая. Выметаю грязь в совок и принимаюсь мыть шкаф изнутри. Стираю паутину, черную плесень — и вуаля! Этим уже можно пользоваться! Напоследок полирую снаружи дверцы шкафа. И понимаю, что уже почти ничего не вижу из-за темени.

Приходится спуститься к ужину. Джейкоб колдует у печки, Бетти разливает получившееся у неё блюдо по тарелкам, и выглядит оно не менее аппетитно, чем получилось у Фрейи. Однако она очень быстро схватывает. Видимо, старается, чтобы не ударять в грязь лицо перед Джейкобом.

Мы ужинаем снова вчетвером. Потом Бетти вручает Виктору порцию Розы, чтобы теперь он взял эстафету и накормил жену, а в таверну вваливается веселый, чуть поддатый Мурано.

Но есть отказывается и, радостно напевая что-то себе под нос, отправляется наверх.

Вечер заканчивается на кухне, где мы с Бетти приводим посуду в порядок. Затем поднимаемся в свою комнату и заваливаемся спать, усталые до невозможности.

Утро снова начинается с петуха. Есть тут в округе один зычный. Но это на руку. Мурано должен рассчитаться за сутки проживания.

Мы с Бетти одеваемся, спускаемся на кухню и, пока она разводит огонь, я собираюсь приступить к приготовлению завтрака, как вдруг в распашную кухонную дверь кто-то стучит. Выхожу — Мурано. Смотрит на меня с виноватым видом, а с лестницы в этот момент появляется уже одетый и бодрый Джейкоб.

— Хозяюшка, — начинает стеклодув, — тут такое дело…

Что-то мне не нравится, как звучит его голос. И фраза тоже ёкает в душе непрошенной тревогой.

Бетти

Фрейя

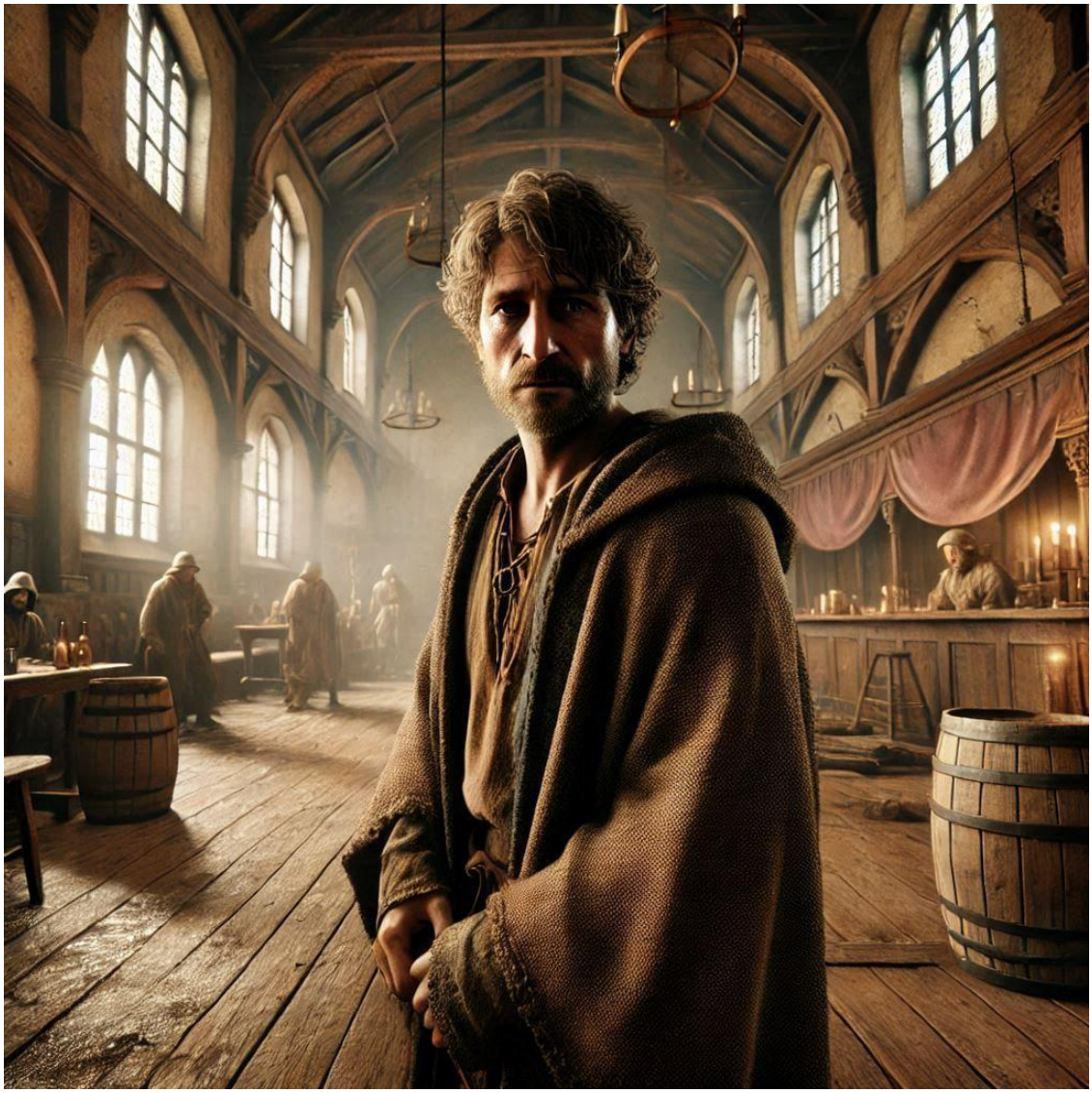

14

А Мурано выдает:

— Проигрался я! Подчистую! Ни монеточки нет, — и, как нашкодивший школьник, выворачивает пустые карманы.

Мурано

Я уже понимаю, к чему он ведет. Внутри начинает расти раздражение. Первый клиент — и нате вам! Мы тут едва концы с концами сводим, а он пришел на все готовенькое и как ни в чем не бывало желает скрыться. Ну уж нет!

Приосаниваюсь, и упираю в бока руки, в одной из которых крепко сжимаю деревянную поварешку. Ловлю взгляд Джейкоба. Он слышал наш разговор и тоже прекрасно всё понимает. Его лицо опасно мрачнеет.

Джейкоб медленно, почти без звука подходит к Мурано со спины и там останавливается. Видимо, ждет дальнейших указаний.

Возвращаюсь взглядом к Мурано. Приподнимаю бровь и спрашиваю:

— И?

Он заправляет карманы в брюки и с притворным вздохом заявляет:

— Нечем мне с вами расплатиться, хозяюшка. Хотя кормите вы, конечно, знатно! Ну так я потом как-нибудь забегу и верну должок, — Мурано подмигивает и недвусмысленно улыбается.

Кажется, он считает меня одинокой кумушкой с придурью, которая застряла в деревне и наряжается, чтобы захомутать богатого гостя.

Джейкоб нависает грозовой тучей над гостем. Тот его не видит и все с той же похабной улыбочкой спрашивает:

— Ну, что скажете?

Внутри у меня полыхает ярость, но я сдерживаю ее и холодным голосом сообщаю:

— Что вы крупно влипли, — и киваю Джейкобу, который не сводит с меня сосредоточенного взгляда.

Он опускает здоровенную ручищу на плечо наглому гостю. Мурано вздрагивает. А я продолжаю ледяным тоном:

— За попытку совершить преступление в отношении монаршей особы, — я выдумываю на ходу, но у меня есть уверенность, что ничего хорошего за воровство у королевы преступнику точно не светит. Просто я немного сгущаю краски. Добиваю побелевшего Мурано словами: — Полагается казнь!

Джейкоб подыгрывает — а может, и нет (?):

— Ваше Величество! Давайте ему просто руки отрубим!

— Ага… По самую голову! — сдержанно улыбаюсь и буравлю сдувшегося Мурано взглядом.

Джейкоб припечатывает беднягу к земле второй ручищей, а тот блеет извинения:

— Ваше Величество! Мужики вчера говорили что-то про приезд императрицы, но я ж не знал, что это про вас! Извините! Пощадите! Позвольте погасить долг! — голосит он с . он пытается упираться ватными ногами, когда Джейкоб тянет его в сторону лестницы.

Поднимаю поварешку, словно монарший скипетр, и делаю Джейкобу знак остановиться. Затем приказываю:

— Подожди, Джейкоб! А ты, прохиндей, говори, как собираешься погасить долг.

Мурано отчаянно выпаливает:

— Я же стеклодув! У меня с собой есть нераспроданные вещички. Вот увидите, они станут украшением этой ды… Этой чудесной таверны!

Ну хоть что-то! Злость сменяется любопытством. Изображаю задумчивость, хотя уже все решила. Признаться, у меня и в мыслях не было причинять бедняге вред, но не могу же я создавать у окружающих ощущение, будто я бесхребетная амеба и мной можно помыкать и вертеть как вздумается. Смотрю в глаза белому, как полотно, стеклодуву и наконец киваю:

— Ну хорошо. Посмотрим, что у тебя там.

Поднимаемся в комнату, занятую гостем. Он аккуратно ставит на кровать свой заплечный мешок, открывает его и вытаскивает одну за другой преинтереснейшие стеклянные изделия. Беру каждое и внимательно рассматриваю, прикидывая, что из этого может пригодиться. Изогнутый и слегка крученый рог с непрозрачными дымчатыми стенками — выглядит как статусная вещь. Но для меня бесполезная. Пара простых кувшинов с ручками. Несколько пузатеньких флаконов густого синего цвета. Пятнистая, как хвост павлина, ваза с необычными краями, похожими на всплеск воды. Всевозможные длинноногие кубки, украшенные стеклян-

ными каплями, жгутиками, витками и даже раскрашенные и эмалированные. Но всё это слишком разнородно и мелко. Не собирается в общую картину.

И тут с самого дна Мурано вынимает бутыль, похожую на те, которые ставят в офисных кулерах, только размером поменьше — литров на девять-десять. Она абсолютно прозрачная, без сколов и наплывов. Ее примерно на середине высоты опоясывает углубление. Горлышко широкое и короткое. При виде этого чуда у меня рождается план, как обеспечить постояльцев пригодной питьевой водой.

Бутылка тяжелая, с трудом удерживаю ее, чтобы рассмотреть. И как Мурано пёр ее по дорогам? Осторожно передаю вещь Джейкобу и отсылаю с ней в кухню. Спрашиваю у пришедшего в себя стеклодува:

— А еще что-то подобного качества у вас есть?

Мурано начинает суетиться:

— Ваше Величество! У вас прекрасный вкус! Не поверите, но осталось всего две вещицы из этой коллекции, — он наполовину скрывается в заплечном мешке и вскоре выныривает с двумя уменьшенными, литра на полтора каждая, копиями здоровенной бутыли.

Придирчиво рассматриваю. Они хороши. Стильные, неброские, прозрачные, из хорошего материала и в отличном состоянии. Пока не придумала, как я их использую, но в них можно налить золотистое масло… Или просто воды… Или какого-нибудь цветного напитка.

— Сколько за них хотите? — спрашиваю наконец.

Мурано с трудом закрывает рот, а потом переспрашивает:

— Ваше Величество… Вы, что же, хотите их купить? — Получив утвердительный кивок от меня, блеет подобострастно: — Вы так великодушны к несчастному Мурано! Я испугался, что вы просто у меня все отнимите. Но вы… Вы… Щедры! Я ни гроша не возьму! Позвольте отблагодарить вас за проявленную ко мне снисходительность. Я вам их дарю, — и он склонился в низком поклоне. Разогнувшись, продолжил: — Если будете в Инкервилле, заходите ко мне в мастерскую. Я вам сделаю скидку. А теперь позвольте покинуть вашу чрезвычайно гостеприимную таверну!

Аккуратно сложив в заплечный мешок оставленные на кровати вещи, он вскидывает его за спину и уходит. Спешит, видимо, опасаясь, что я передумаю.

Я быстро навожу порядок, меняю постельное белье и готовлюсь спуститься вниз. Желудок подвывает от голода.

Вдруг слышу снаружи неясный гомон. Шум нарастает. Выглядываю в окно и вижу у таверны толпу взволнованных крестьян. Что же им надо? С добром пришли или на вилы поднимут, как ведьму какую-нибудь?

15.

Честно говоря, мне страшно. Рассматриваю собравшихся, стараясь держаться в тени штор. Крестьяне только шумят. Над толпой не вздымаются зубцы вил или чего похуже типа факелов. В любом случае нужно к ним выйти и все самой узнать.

Спускаюсь вниз. У двери уже стоят в напряжённой позе Джейкоб и перепуганная Бетти. Вручаю ей длинную ложку, с которой, оказывается, все это время бродила по таверне, и прошу вернуться на кухню. Мой телохранитель с подозрением выглядывает в окно. Шум за дверью нарастает.

Делаю глубокий вдох-выдох и направляюсь к двери. Джейкоб впереди, распахивает и придерживает дверь. Когда я, гордо вскинув голову и выпрямив спину, выплываю на крыльцо, телохранитель становится рядом и зорко вглядывается в толпу. Как только я появляюсь, шум стихает.

Крестьяне настороженно смотрят на меня. Интересно, кто кого и как должен приветствовать первым по правилам местного этикета? Во всех известных мне исторических книгах и фильмах подданные кланяются первыми.

Это важный момент. Надо показать, что я здесь главная. Поэтому просто стою и жду. По крайней мере, на заре моей трудовой карьеры — когда я, молоденькая горожанка, отрабатывала распределение в деревенской школе, именно этот способ и срабатывал. Буйные ученики быстро успокаивались, и я начинала урок.

С выжиданием не моргая смотрю на местных. И действительно, через короткое время они опускают головы в почтительном поклоне. Ну что ж. Теперь и я слегка кланяюсь, отвечая на приветствие.

Из толпы, впрочем, как оказалось, не особо многочисленной — не более полусотни человек, выныривает Вильям.

Вильям

— Ваше Величество, — начинает он, — люди не могли дождаться, так хотели изва́лить вам свое почтение!

Вот же хитрый жук! Небось ждал поодаль, как меня примут, а дальше собирался действовать по обстоятельствам. Ну ладно. Встречу я не планировала, речей заготовить не успела. Будем импровизировать.

— Уважаемые жители Зеленой деревни! В столице знают о ваших многочисленных бедах. Я лично прибыла, чтобы помочь вам справиться с ними! — очень надеюсь, что в этой глуши пока не в курсе, как оскандалилась их императрица.

Пока притихшие крестьяне смотрят на меня распахнутыми глазами, продолжаю:

— Но мне нужна будет ваша помощь, — предупреждая недовольство, поднимаю руку и поясняю: — Конечно же, не бесплатная.

Вот теперь крестьяне еще и рты пораскрывали. Тишина такая, что отчетливо слышен шорох ветра в ветвях одиноких деревьев на отдалении.

— Итак, план спасения следующий. Разбираем бурелом, очищаем родник, приводим в порядок колодец. Одновременно с этим ремонтируем таверну. А еще привыкаем жить по-новому: моем овощи, кипятим воду, обрабатываем мясо на огне. И главное, моем руки перед едой!

Чувствую нарастающее напряжение. Надо его погасить, пока не взорвалось. Поэтому говорю:

— Если что-то не понятно,задавайте вопросы. Обсудим вместе.

Сначала все молчат. Потом начинают роптать. Наконец из задних рядов доносится недовольный мужской бас:

— Чем докажете, Ваше Величество, что платить будете? Сколько тут живу, еще ни разу не было, чтобы господа хоть медяк бедняку дали. Только брали и брали себе. А люду простому — ничáво!

Открываю было рот, но тут слышу знакомый голос Фрейи. Она стоит, с поднятой над головой рукой, в которой что-то тускло поблескивает:

— А это ты видел, Робин? Это монета, которую наищедрейшее Ее Высочество мне вчера заплатило за гостеприимство. И не за какие-нибудь изыски, а за нашу простецкую еду. А еще Ее Высочество обещало мне платить за продукты. Вот!

Фрейя еще пару мгновений демонстрирует медяк. Ее слова производят впечатление. Напряженность сменяется одобрительным гудением. Я строгим голосом спрашиваю:

— Еще вопросы?

— А зачем нам ремонтировать таверну? Жили с такой и еще поживем, — басит, словно труба, отечный мужчина предпенсионного по меркам моего родного мира возраста.

— А затем, что в хорошей таверне путники останавливаются. А у путников есть деньги. — Слышу одобрительные восклицания. Меня воодушевляет настрой местных. Но нужно еще их зарядить. — Уверена, что нам есть что предложить гостям Зеленой деревни! Следующий вопрос!

— А зачем разбирать бурелом? — интересуется невысокий круглолицый мужчина средних лет с простоватым выражением лица.

Неожиданно отвечает за меня Вильям:

— Чтоб дорогу освободить, дурья твоя башка! Иначе как к нам путники попадут? Те, которые с деньгами.

Стоящая впереди кумушка с красными щеками и вздернутым носом с вызовом спрашивает:

— А разбирать-то кто будеть? У нас тут полдеревни мужиков болеють.

Снова гул.

Я делаю паузу и поднимаю руку, чтобы добиться тишины. Когда все послушно замолкают, строго отмечаю:

— Тем не менее это не мешает им играть в карты, пить и облапошивать гостей таверны, — и с прищуром смотрю на притихшую толпу. Некоторые мужчины, видимо, те самые любители азартных игр, отводят глаза и смущенно смотрят вниз.

Поймав волну, продолжаю:

— К тому же именно очистка колодца и родника, а также новые правила приема пищи позволят вам избавиться от зеленой хвори. Она живет в грязи и вони. Чтобы прогнать ее, надо прогнать грязь и дурной запах. А тех, кто болеет, мы вылечим, поставим на ноги.

Снова раздается голос недовольного всем Робина:

— А Ваше Величество, что, еще и в хворях понимает? С чего это нам верить, что вы лечить умеете?

Вот и что мне ему ответить? Объяснила же как умела. Не буду же я тут микробиологию и вирусологию пересказывать!

И тут из толпы выходит Матильда. Она очень напряжена, кулаки сжаты, рот превратился в тонкую полосочку, глаза прищурены. Вижу ее и не могу понять, чего ожидать. Помогли мои рекомендации по лечению ее мужа Джона? Или я все-таки не угадала, и плотнику стало хуже?

16.

Матильда выходит из толпы с тихим вздохом облегчения, и её лицо постепенно расплывается в улыбке.

— Ваше Величество, благодарю за ваши советы, — она сначала обращается ко мне, а потом разворачивается к жителям и продолжает восторженно: — Джон пошел на поправку. Он почти не лихорадит теперь, и его дух поднялся. Я следовала рекомендациям Её Величества, и, знаете, это дало результат. — Она снова поворачивается ко мне и скромно опускает глаза. — Я не знаю, как еще вам выразить благодарность.

Внутри разливается ласковое тепло от её слов. Увидев, что мои советы дали результаты, я ощущаю гордость за свою способность помогать, даже в таком непростом месте.

— Я рада, что муж поправляется, Матильда, — говорю я с доброжелательной улыбкой. — Но помните, что самое главное — это не сдаваться. Ваша помощь тоже велика.

Я окидываю многозначительным взглядом толпу, как бы говоря им, что и их вклад тоже важен. Местные постепенно расслабляются.

— Еще есть вопросы, дорогие жители Зеленой деревни? — спрашиваю добродушно, хотя уже подустала отвечать. Затратно по нервам, не знаешь, какой вопрос прилетит следующим.

— Нет, Ваше Величество! — толпа отвечает нестройным хором.

Я вижу одобрительные улыбки и кивки. Люди с задних рядов начинают аккуратно расходиться, будто боясь, если пойдут первыми, выразят неуважение своей императрице. Нет, я не гордая, пусть уходят.

— Возвращайтесь к своим делам, дорогие жители! А я вернусь к своим, — отпускаю их всех одной фразой, чтобы уже снять груз с их душ.

Пространство перед таверной неуклонно пустеет, но остается несколько женщин, которые стоят небольшим кружком и явно ждут, чтобы все остальные разошлись.

Когда другие жители уходят, эта группа кумушек приближается ко мне. Крадутся робко, будто боятся, что я их покусаю. Подойдя вплотную, одна из них начинает:

— Я могу вам предложить мед, Ваше Величество, — она нервно вытирает руку о грязно-белый фартук, надетый поверх насыщенно-зеленого платья. — Он у меня сладкий, с травами. Вам понравится.

— Да мне-то ладно, — говорю совестливо. — Мы о постояльцах думать должны. Спасибо за предложение!

— А я выращиваю овощи и делаю закваску, солю огурцы, помидоры, — говорит другая, тоже в густо-зеленом платье. — Если хотите, с удовольствием продам. Всё на здоровых травах!

Следующая женщина произносит с заговорщическим видом, будто боится, что её кто-то подслушает:

— А я пряные травы выращиваю — розмарин, тимьян, базилик. Это ведь в любом деле полезно, правда?

Киваю. Ну вот и налаживаются первые поставщики. Теперь бы саму таверну до ума довести.

Ещё одна женщина тоже в зеленом с благородным изумрудным отливом платье наклоняется и доверительно говорит:

— У меня коровы, иногда я могу предложить говядину свежую, — тоже почти шепчет.

Я прислушиваюсь к их предложениям, внимательно осматриваю и оцениваю. Каждая из них явно старается быть полезной. Я решаю поддержать их инициативу.

— Я буду покупать ваши продукты, по мере необходимости и в случае наличия, — говорю я, улыбаясь каждой из женщин. — И буду платить за это!

Женщины явно обрадованы моей то ли щедрости, то ли чистоплотности в смысле сделок. Они сердечно благодарят, желают здоровья и благополучия.

Но прежде чем дать им уйти, я все-таки задаю им вопрос, который так и вертится на языке.

— Скажите, а деревня Зеленой почему зовется? — обвожу их взглядом. И они прямо на глазах сжимаются.

— Вы цвет лиц видели? — произносит та, которая предлагала мед. — Ваше Величество не удивляет, что все у нас зеленые ходят?

— Так хворь хворью, — отвечаю держа себя в руках, чтобы не выговорить ей за пани-братский тон. — Я ещё заметила, что у вас всех четверых, как и у других жителей, одежда зеленая. От изумрудного до салатового оттенка. Это не имеет значения?

На этот раз женщины и вовсе только переглядываются. Что-то скрывают явно, но давить на них не вариант. Расскажут потом, когда доверять начнут.

— Хорошо, — складываю ладони вместе. — Будем считать, что деревня Зеленая из-за хвори, которая среди вас тут ходит.

Кумушки расслабляются и, снова сердечно нажелав всякого хорошего, уходят.

Я облегченно вздыхаю — утомило меня общение с населением. Но тут же беру себя в руки. Расслабляться времени нет. Вспоминаю, что хотела сделать. Для деревни нужно всё организовать, навести порядок, начать менять привычки. Нет времени сидеть сложа руки.

Залетаю на кухню, где умница Бетти уже взялась за стряпню вместо меня. Еда ещё не готова, но у меня нет лишней минутки на ожидание. Ножом отрезаю пару кусков вяленого мяса и несколько ломтей хлеба. На столе валяются обрезки овощей. Собираю из этого великолепия два сэндвича. Один вручаю Джейкобу, во второй с звериным рыком вгрызаюсь сама — кажется, моя служанка при виде этой картины готова потерять сознание. Жуя на ходу, направляюсь к выходу. Оставив Бетти в таверне, я вместе с Джейкобом отправляюсь на ещё один обход. Мне нужно обязательно навестить плотника и убедиться, что его восстановление продолжается.

Грязь чавкает под ногами, пока мы идем к дому Матильды. С дорогами тут тоже следует что-то сделать. Но, наверное, это все-таки дело десятое. Сначала здоровье населения.

Матильда встречает меня благодарной улыбкой. Не солгала, стало быть, перед толпой односельчан. Она провожает меня в комнату к мужу. Джон уже не так бледен. Он сидит в постели, смотрит на нас живыми глазами, хотя они всё ещё немного тусклые от болезни. На лице играет утомленная, но искренняя улыбка. Он выглядит гораздо лучше и явно идёт на поправку.

Он благодарит меня за визит. А Матильда приносит ему похлебку — крупные куски овощей и даже мясо какое-то плавает. Я резко останавливаю её:

— Нет, Матильда! Это слишком тяжело для его желудка сейчас, — произношу строго и ловлю недоуменный взгляд женщины. Но вижу в нем доверие и продолжаю: — Налейте только бульон, лучше всего из курицы. Он восстановит силы и поможет быстрее встать на ноги.

— Ой, ну это к Молли надо идти, — тянет в ответ Матильда. — Курицы на мясо только у неё.

— А где дом этой Молли, подскажете? — спрашиваю сразу же.

Я не планировала выведывать секреты, но теперь получила сведения об ещё одном возможном поставщике. Только Матильда почему-то не говорит, так что придется самой выяснить, где тут эта куриная Молли.

Проведав Джона, я возвращаюсь в таверну. Мне нужно сделать всё, чтобы повысить уровень жизни деревни. И вот я снова в кухне, где присматриваюсь к тому, что можно улучшить.

Смотрю на бутыль от Мурано, и в голове вертятся мысли, как её можно приспособить. Пора заняться хендмейдом а-ля императрица Зеленой деревни!

Примерно так выглядит бутылка, изготовленная Мурано

17.

Бетти поднимается в комнату аккурат в момент, когда я самозабвенно рву одно из своих платьев на тонкие ленточки. Вот уж воистину выражение «пустить на ленты» приобретает буквальный смысл.

— Госпожа?! — Бетти округляет глаза, её нижняя губа начинает подрагивать. — С вами все в порядке, госпожа?

Она поспешно подходит ко мне и кладет руку мне на лоб.

— Лихорадки вроде нет…. — бормочет себе под нос и снова вглядывается мне в глаза пронзительным взглядом, точно боится увидеть там зверя. — Зачем же вы платье изорвали? Это было ваше любимое, его вам муж подарил…

— Любимое? — слегка растерянно перебиваю её. — Оно послужит великой цели, Бетти. Так что все хорошо.

Сама слышу, что голос у меня звучит, как у безумного профессора. Но я и правда придумала сногсшибательную идею, так что очень уж хочется её воплотить. Душа изнывает от нетерпения и предвкушения.

— Помочь вам, госпожа? — все ещё затравленно спрашивает Бетти.

Киваю коротко, подхватываю получившиеся ленты — несколько штук, много не надо — и велю ей идти вниз. Сама следую за ней.

Мы спускаемся в пустой зал таверны, и я горестно вздыхаю. В моей прошлой жизни, если в середине дня в общепитном заведении было так пусто, значит, ему пора закрываться. Я не могу закрыть таверну и не знаю, как привлечь сюда клиентов. Засада какая-то.

Но я не даю себе долго кукситься по этому поводу, жестом зову Бетти за собой, и мы идем на кухню. Там я снимаю со шкафа самую большую бутыль, полученную от Мурано, и деловито водружаю её на стол. Тяжелая бандура!

Опускаюсь к поленнице и выбираю несколько ровных четвертинок. Бетти провожает мои движения ошарашенным взглядом.

— Бетти, хватит так смотреть, — произношу деловито. — Я не сошла с ума. Просто кое-что придумала.

Она мне не верит, но уже ничего не говорит. А я начинаю мастерить подобие кулера для воды.

Вооружаюсь ножом попрочнее и откалываю от отобранных поленьев самый уголок, получая шесть ровных треугольных реек толщиной в два пальца. Такой толщины должно хватить.

После этого на концах реек делаю надрезы для лент, чтобы держались, и связываю их лентами так, чтобы получились треугольники. Мысленно хвалю себя, что выбрала примерно одинаковые поленья, и треугольники получились равносторонние и почти ровные.

Затем примеряю, на каком примерно расстоянии должны быть эти рейки, чтобы бутыль поместилась между ними, и создаю небольшой коврик, переплетая ленты друг с другом. Концы пока остаются свободными.

Бетти явно не ожидала от меня таких умений, и в её глазах начинает мелькать восхищение.

Я ставлю два треугольника из реек на стол, затем завязываю концы лент, образующих коврик, на вехнем углу каждого треугольника, и получается гамак а-ля макраме.

Бетти помогает мне, но я уже вижу свой просчет, конструкции не хватает жесткости, так что даже под весом пустой бутыли треугольники просто разъезжаются низом, а верхами обнимают бутыль.

— Что-то не получается, госпожа, — задумчиво тянет Бетти.

— Сама вижу, — вынимаю новые прямые чурочки и откалываю себе еще четыре рейки. Сейчас заживем!

Соединяю треугольники рейками, получая плюс-минус жесткую конструкцию, и добавляю по ребру жесткости на стороны. Плотно перевязываю все углы и сочленения. Я отношу свой хендмейд на барную стойку, и мы вместе с Бетти водружаем бутыль в самодельные салазки-качели, теперь при помощи гамака можно будет спокойно наклонять бутыль и наливать воду из горлышка.

— Теперь перелей всю вскипяченную воду в эту бутыль, Бетти, — велю ей, а сама ухожу в комнату за самой важной вещицей.

На кровати так и лежит ворох останков моего «любимого» платья. Я беру серебряную фибулу в виде дракона и прихватываю симпатичный кусочек белого кружева.

Серебряное украшение в виде дракона

Возвращаюсь в зал и вижу, что бутылка на четверть полна немного желтоватой водой. Лучше, чем ничего, но воды кипятить придется много.

Бросаю фибулу в бутыль и любуюсь своим творением, как вдруг сбоку раздается встревоженный голос Бетти:

— Госпожа! Что же вы наделали?!

18.

Поворачиваюсь к ней:

— Очиститель для воды… Серебро же обеззараживает. А что?

Бетти прижимает руки к груди и с тревогой смотрит на меня:

— Но это же подарок императора! И это символ правления его рода, а вы так… Как-то неуважительно.

От воспоминаний о заносчивом грубияне, который отправил меня сюда на верную гибель, в груди разливается огонь. Я совсем непочтительно хмыкаю:

— Уважительно? К этому сатрапу?! Да мы по его милости оказались в этой пропащей деревне! Без денег, без нормальной крыши над головой, без питья. И какой прок тут от его символа правления? Пусть хоть так поможет нам и жителям.

Бетти грустно качает головой, но ничего не говорит. Выпустив пар, прошу служанку заняться кипячением воды и принести дров в кухню.

Кидаю последний взгляд на бутылку и прихожу к мысли, что впредь стоит процеживать воду через ткань. Чуть позже сделаю какой-нибудь примитивный фильтр из ткани, песка и угля для разных степеней очистки.

Подобную по принципу работы конструкцию соорудила героиня, чтобы можно было легко наклонять тяжелую бутылку

Сама отправляюсь изучить оставшиеся комнаты и заодно проведать Розу. Тихо вхожу в спальню, где на кровати лежит бывшая смотрительница таверны с книгой.

Она держит перевернутую по вертикали книжку в нескольких саниметрах от носа и увлеченно рассматривает ее. Покашливаю ради вежливости.

Роза вздрагивает, переводит взгляд на меня, краснеет и прячет книгу под одеяло. Затем начинает громко стонать, изображая неимоверные страдания от боли в ноге. Это выглядит настолько наивно и по-детски, что не нахожу в себе сил рассердиться за спектакль.

Вероятно, в ее жизни за ней впервые ухаживают и заботятся. Да еще сама императрица! Пусть чуток поиграет, всё равно пока ничем помочь не сможет.

— Добрый день, Роза. Как ваше самочувствие?

— Ох-ох-ох… Ваше Величество! Больно, аж терпеть моченьки нет… Да еще кормят так себе. В рот взять нельзя. Дрянь какая-то, а не пища.

До чего же вредная женщина. Язвит по чем свет стоит. Ясное дело, я ж её главное дело по кашеварению отняла, но совесть-то надо иметь… Выдыхаю. Нет, я не стану опускаться до склок с ней. Она сама проникнется и зауважает.

— М-да… Хотелось бы покормить вас чем-нибудь вкусненьким, например, куриным шницелем. Да вот не знаю, где курочку раздобыть…

Роза резко садится в кровати, напрочь забыв о боли в ноге, и начинает объяснять:

— Курочку?! Так это вам к Молли. Найти ее легко. Как пойдете в деревню, смотрите направо да считайте до пяти. Вот пятый дом — это как раз её. Только она того… Немного вредная. Может и цену задрать мама не горюй! Но да вы же инператрица! Небось найдёте на нее управу.

М-да, иНператрица. Пусть Роза не беспокоится — у меня все получится!

— Отлично. Обязательно найду и управу, и курочку, — все ещё удерживая себя в руках. — Но слышала, у вас тут не только Молли наглая, но и некий Винсент. Вроде бы тоже цены задирает?

Роза вздыхает и кивает:

— О да! Это известный скряга! Пусть его драконы зажарят! Как у нас тут зеленая хворь гулять начала и путники заходить перестали, так он звереть начал. Цены всё поднимает и поднимает. А после того, как наших мужиков с ярмарки поперли, что те ни купить, ни продать ничего не успели, так вообще заломил за зерно втридорога.

Ага… Значит, и ярмарки тут в округе проводятся? А на меня продолжают потоком изливаться жалобы Розы на то, как жителей Зеленой деревни перестали пускать в другие села, а после бури и затопления дороги местные остались и вовсе почти отрезаны от мира.

— За последние месяцы вот только вы да этот стеклодув из соседних краев к нам наведались, — заканчивает Роза.

Благодарю за рассказ, желаю скорейшего выздоровления и покидаю комнату. М-да… Всё еще сложнее, чем я думала. Размышляя о трудностях, которые придется преодолеть, захожу в очередную заброшенную комнату.

Она совсем крошечная. Почти всю её занимает узкая кровать у стены. И всё. Хотя нет, в углу громоздятся останки какой-то разломанной мебели. Что это было изначально — уже не понять. Но сейчас это гора в два десятка досок шириной сантиметров в двадцать и длиной все шестьдесят. И довольно крепких, надо сказать! А также дюжина прочных деревянных жердей с меня высотой. И под всем этим — кучка трухи.

Осматриваюсь и ёжусь — тут тоже зверский холод. В щели в стенах посвистывает сквозняк, в оконной раме подвывает ветер. Через мутные окна заглядывает бледный дневной свет. Зато уборку тут сделать несложно.

Приношу уже ставший родным инвентарь — ведро, метлу, швабру да тряпки. Снимаю метлой паутину по углам, распугивая сонм морозоустойчивых пауков. Они юркают в щели. Протираю рассохшийся подоконник. Выношу деревянные останки неизвестного мне предмета мебели. Выметаю труху и пыль. Чищу деревянные части кровати.

Матрас, хоть он и увесистый, отношу на первый этаж к двери. Позже выпотрошу его, набью чем-то более свежим и хорошенько постираю. Солома внутри уже свалялась и не выполняет функцию смягчения. Скоблю открывшиеся доски ножом.

Время проносится быстро. И вот комната выглядит вполне себе пристойно. От работы я разгорячена и не чувствую холода. Любуюсь плодом труда. Из необходимого тут — заделать щели и сварганить новый матрас.

Переношу вниз жерди и доски. Оставляю у двери. И только сейчас осознаю, насколько вымоталась. Ноги дрожат и еле держат. Опускаюсь за один из столов в зале и прикидываю, чтос ними сделать. Пока что-то ничего путного в голову не приходит.

Бросаю взгляд на стойку — в запотевшей бутыли на барной стойке прибавилось воды. Она уже не такая желтая, но еще не кристально прозрачная.

Поднимаюсь и иду на кухню к Бетти и с тоской вспоминаю, что ещё ж еды надо сделать!

Но Бетти удается меня удивить. Она с длинной ложкой крутится у очага, в котором побулькивает котелок. В помещении витает приятный аромат, от которого рот сам наполняется слюной. В душе разливается тепло и благодарность. Я просила заняться лишь кипятком, а Бетти еще и об обеде побеспокоилась!

Но кое-что меня неприятно задевает. Припасы, которые мы заимели накануне, валяются на столе.

— Бетти! Очень вкусно пахнет! Ты просто на лету схватываешь, — говорю, стараясь сделать тон помягче. Она оборачивается и краснеет от удовольствия. А я продолжаю уже более требовательно: — Скажи только, а почему мясо и овощи свалены в кучу на столе? Мы же их убирали в нижние шкафчики.

Девушка вздыхает и виновато сообщает:

— Там жучки и мыши. Я нашла несколько прогрызенных ими ходов. Свежих. Наверное, учуяли запах и ночью пробрались. Джейкоб посмотрел норки и велел вынуть еду из шкафчиков, чтобы паразиты не слопали. Сказал, вы придумаете что-нибудь.

Я. Конечно, я придумаю. Я ж иНпературица. Кому как не мне придумывать…

За грудиной остро колет ощущение беспомощности. Как же я устала! Такое ощущение, что я капитан на дырявой лодке, которая тонет. Проблемы множатся быстрее, чем я успеваю их решать. Вроде заткнула одну щель, а вода бьёт уже из другой. Заткнула другую, а три новых образовались… И команда замерла в оцепенении, ожидая моего приказа.

Обвожу кухню глазами. Грузить стенные шкафчики и полки опасаюсь: они трухлявые и вот-вот обрушатся. Скоро понадобятся новые. А где их взять? И тут меня осеняет!

19.

Быстрым шагом покидаю кухню с оторопевшей Бетти. У бедняжки на лице написан явный испуг.

Но я ей потом все объясню, а сейчас мне надо срочно кое-что проверить. Почти бегом оказываюсь у сваленных на входе деревяшек. Поднимаю жерди и внимательно их изучаю. Ровные, прочные — то, что надо!

Перетаскиваю сюда порванное на ленты платье и начинаю прямо на полу в обеденном зале мастерить этажерку. Перекрещиваю жерди и крепко перехватываю места соединений лентами. Туго затягиваю.

Вскоре у меня две прямоугольные рамы — спасибо Виктору, принесшему ржавую беззубую пилу для распила длинных палок. Я соединяю их по углам укороченными жердочками. Получается параллелепипед как на уроках по стереометрии. Ну что ж, основа готова!

Добавляю ребра жесткости к боковым и задней стенкам. Все сочленения тщательно перетягиваю лентами. Затем пилой выгрызаю — слово «выпиливать» сюда не подходит — места для полок, которые планирую сделать из найденных досок.

Доски с трудом протискиваются в бахромящиеся стружкой пазы, но… в этом деле не надо быть умной, достаточно приложить силы. Вуа-ля! Этажерка готова! В прямом смысле слова из говна и палок!

Виктор заносит мое творение на кухню, где Бетти уже дует на ложку, чтобы снять пробу. Она делает глоток и в этот момент видит нас. Её глаза округляются, и девушка заходится в кашле. Я её как минимум удивила.

У героини получилось что-то подобное

Виктор ставит этажерку в указанное мною место. Некоторое время стоит и рассматривает, на его лице расцветает улыбка.

— Ваше Величество! Это вы здорово придумали! И представить не мог, что можно такое соорудить. Пойду-ка поищу в подвале. Авось найду что-нибудь полезное, из чего вы шкаф сделаете. Или кровать. Или… трон, — посмеивается и покидает помещение.

Он сказал — подвал? Пожалуй, там действительно может оказаться что-нибудь интересное. Бетти тем временем подходит к этажерке, щупает ее и спрашивает:

— Госпожа! Неужели вы это сами придумали?

— Строго говоря, нет, — я, конечно, жутко горжусь собой, но пристало ли императрице хвастать идеями, которые она подсмотрела мельком на каком-то сайте пару месяцев назад? Поэтому скромно говорю: — Просто позаимствовала идею из… книги.

— А из какой?

— Не помню, как называется. А автора, кажется, зовут Пинтерест. Я у него, кстати, прочитала еще, как полочки сделать. Поможешь?

После обеда принимаемся с Бетти за воплощение идеи. Лент от моего платья хватит еще на несколько предметов мебели, так что не жалеем их. Сплетаем четное число прочных

тканевых косичек. Делаем из них одинаковые петли. Осталось подвесить их к стенам, а в них уложить доски — получатся милые полочки.

После этого выходим с Бетти на улицу, обходим таверну. Тут всё раскисло от влаги. Подолы платьев быстро покрываются красной вязкой грязью. Вытряхиваем начинку матраса прямо в нее. Ветер подхватывает лёгкие соломинки и разносит их, но основная часть падает на землю и погружается в её красноватую толщу. Внутренняя часть соломы успела отсыреть — вот, почему матрас был таким тяжелым.

Под действием какого-то внутреннего порыва наклоняюсь и захватываю горсть земли. Перетираю в пальцах. Да это же чистейшая красная глина! Мягкая, податливая, разведенная дождем. Но стоит ей высохнуть и схватиться…

Перед глазами всплывает изображение хижины из самана — кирпича, сделанного из необожжённой глины, смешанной с соломой. А что, если попробовать заделать щели в стенах такой смесью? В трубочках соломы должен быть воздух, который послужит отличной теплоизоляцией, а глина всё это удержит.

Моя усталость улетучивается. Мозг счастлив решить проблему со щелями, и тело охватывает адреналиновая азартная легкость.

Верчу головой по сторонам. На глаза попадается ржавое ведро, прислоненное к стенке, и согнутая лопата. Перепоручаю мешок от матраса Бетти с просьбой постирать. Сама наполняю ведро глиной с увязшей в ней соломой и тащу его в комнатку, которую только что отмыла.

Тяжелая ноша! Мне боязно, но что-то же надо делать! И консистенция как раз отличная. Набираю в другое ведро воды и ставлю рядом. Хорошенько руками перемешиваю глину с соломой. Холодно и скользко.

Несколько мгновений сомневаюсь, а потом начинаю замазывать получившейся смесью щели. Она всё же чуток жидковата, оставляет красноватые потёки. Но зато вскоре я перестаю испытывать жуткий холод. Сквозняк больше не пробирает со всех сторон.

Комната маленькая, поэтому довольно быстро все щели на высоте моего роста заделаны. Отлично! Нахожу Джейкоба, который смотрит на затею скептически, но всё же принимается замазывать оставшиеся прорехи. Он высокий, с легкостью достает до самого потолка.

Оставив Джейкоба размазывать глиносолому по стенам, снова спускаюсь в обеденный зал.

Все при деле. Из-под пола доносятся шебуршащие звуки — Виктор проводит раскопки в подвале, Бетти стирает, Джейкоб замазывает щели. Роза… Наверное, снова рассматривает картинки в книжках. Я бы и хотела отдохнуть, но не могу позволить себе расслабиться, пока остальные работают.

Надо осмотреться в подвале. Вдруг то, чему Виктор не придаст значения, окажется самым интересным и подходящим для переделки? Вот только где вход туда? Внутри дома точно нет, иначе бы я видела люк или лестницу. Значит, снаружи.

Выхожу из таверны в промозглый вечер и обхожу ее. Уже начинает смеркаться, и я пару раз спотыкаюсь. Наконец сбоку вижу прилепленную к стене покосившуюся пристройку размером с телефонную будку. Дверь открыта, в нее можно рассмотреть ведущие вниз, в густую темноту, ступени.

Жалею, что не взяла с собой свечу. Но изнутри доносится звук возни. Виктор все еще там, и у него наверняка есть какое-то освещение. Храбро спускаюсь в мрак по скрипучим и ненадежным ступенькам. В животе шевелится тревога. А ну как упаду? Ногу подверну? Наткнусь на что-нибудь?

Я спускаюсь в подвал, увязая в грязи. Стены сырые, пол мокрый, и каждый шаг отдается в ушах глухим эхом. Тут темно и пахнет землей. По ноге с писком пробегает кто-то мелкий и пушистый. Я мышей не боюсь, но от неожиданности вздрагиваю и отпрыгиваю. Задеваю локтем кучу каких-то деревяшек, стоящих у стены. Те с шумом падают.

Пыль забивает нос. Я несколько раз смачно чихаю, поэтому не сразу замечаю приблизившегося ко мне Виктора с канделябром на три свечи в руках. У него удивленный вид.

— Госпожа! Вы как здесь? А если бы упали?

— Спасибо за беспокойство, Виктор. Но я бы хотела сама тут осмотреться. Покажите, что тут есть.

На лице смотрителя выражение сомнения, но он сдается и проводит мне экскурсию. Слабого света едва хватает, чтобы рассмотреть помещение. Потолки низкие. Куча грязи. Вдоль стен расставлены обломки старой мебели, на полу валяются ржавые цепи.

В углу, где стояли груды ненужных предметов, что-то привлекает мое внимание. Но вот скупой свет выхватывает из темноты их… Я громко выдыхаю, а моё сердце пропускает удар.

20

Бочки! Ветхие деревянные бочки, покрытые пылью и грязью. Как что-то давно забытое в квартирной кладовке.

Я подхожу к ним, касаюсь рукой, и мои пальцы ощущают потрескавшуюся древесину. Эти бочки не просто старые — они прямо-таки дышат историей. Хочется выдвинуть поближе к центру, чтобы разглядеть, но под пальцами отвратительный слой застарелой пыли и каких-то сухих комочков. Не хочу думать, что это.

В этот момент Виктор, стоящий в дверях, удивленно покашливает:

— Кхм… Что вы в них нашли, Ваше Величество? — спрашивает он, наблюдая за моими действиями.

— Пока не знаю, — говорю я, отряхивая руки от грязи и продолжая рассматривать бочки. — Но мне кажется, они могут послужить нам.

Виктор, чуть нахмурившись, поясняет:

— Когда-то в деревне был брагодел, настаивал в таких бочках свою пшеничную бормотуху. Но в один прекрасный день он, словно получив знак свыше, все бросил и уехал в Инкервиль. Бочки выбросил. Мы с Розой прибрали несколько.

У меня в голове уже роятся идеи, куда их пристроить. Стоит их привести в порядок, они могут стать хорошими высокими столами или даже тумбочками, конечно, если удастся разжиться петлями. Эти бочки обязательно нужно вынести наверх.

Как героиня подумывает приспособить бочки

— Виктор, помогите, пожалуйста. Нужно поднять их и внести в таверну, — говорю я решительно.

— Как скажете, Ваше Величество, — скептически выговаривает он. — Джейкоба позову.

Виктор провожает меня к лестнице, и я возвращаюсь на крыльцо, а он берет с собой моего крепыша-защитника, и они вместе отправляются за бочками. Вскоре проносят мимо меня первую. В свете сумерек она выглядит ещё массивнее, чем в подвале.

Немного зябко, и пар идет изо рта, но я вдыхаю полной грудью. Мной владеет ощущение удовлетворения. У меня был продуктивный день и, я надеюсь, вечер окажется таким же.

Когда все три имеющиеся бочки оказываются в зале, Бетти зовет на ужин. Она снова удивляет меня своей сноровкой — приготовила из оставшихся продуктов простое, но сытное блюдо, а-ля рагу из картофеля с мясом и овощами, поджаренными на сковороде. Такой ужин может превратить даже самый мрачный день в повод для праздника. Мы садимся за стол и молча наслаждаемся едой.

Хотя, даже если бы за столом разгорелась беседа, я вряд ли бы услышала слова. Мозг полностью загружен мыслями, что еще нужно сделать, чтобы привести эту таверну в порядок.

После ужина мы с Бетти поднимаемся наверх. Она помогает мне снять платье, и я с ужасом вижу, насколько сильно я его изляпала сначала в глине, потом землей и пылью в подвале. Ложусь в кровать в тонкой нательной рубашке и мысленно помечаю себе постирать это платье, а потом настолько незаметно погружаюсь в сон, что осознаю, что уснула, только проснувшись.

Утро настигает меня несправедливо скоро, и с первыми выкриками петухов я открываю глаза. В окно заглядывает ласковое солнце. Впервые за долгое время. Я с вялой непроснувшейся радостью ловлю себя на чувстве, что уже не так холодно. Джейкоб сказал, что замазал щели в двух комнатах, но я не думала, что это подействует настолько разительно! Похоже, теперь мы с Бетти сможем более-менее сносно выживать в этом суровом климате.

Бетти идет готовить завтрак, а я остаюсь в зале, чтобы заняться бочками.

Я мою и драю их, очищая от пыли, мышиного помета и свечного воска. Что-то приходится отскабливать ножом и, чтобы получалось быстрее, я делаю себе подобие жесткой губки из куска кружева, который пропитываю водой с песком.

В какой-то момент мне приходится прерваться и позавтракать. За столом все в том же составе, Джейкоб, Бетти, Виктор и я. В качестве еды удивительно съедобные лепешки.

— Бетти, это волшебно! — искренне хвалю служанку.

— Роза подсказала мне рецепт, — Бетти краснеет и опускает глаза. — Только больше такие делать не из чего.

Я помечаю себе в голове, что сегодня-завтра надо непременно дойти до Винсента и наладить поставки пшена.

— Госпожа, а что с бочками-то? — снова уточняет Виктор.

— Придумаю, — отвечаю деловито, — сейчас главное их очистить.

После завтрака я возвращаюсь к работе, и бочки быстро принимают божеский вид. Древесина оказывается на поверку гладкой, точно отшлифованной, да и мои старания дополнительно выглаживают явно пропитанные чем-то волокна, так что вскоре я получаю три больших пузатых бочонка, обитых металлическими обручами.

В моем мире это была бы винтажная красота, а тут это обыденность. Можно оставить их и так в качестве высоких столов. Но в идеале, конечно, найти петли. Тогда можно выпилить кусок боковинки и сделать из него дверцу, а внутри установить полочки. Вздыхаю, замечтавшись, это было бы шикарно!

До обеда остается ещё около пары часов. Бетти не выходит из кухни вообще, похоже, полностью втянувшись в работу повара.

Закончив с бочками, я снова иду в подвал, чтобы осмотреть остальные предметы. В дальнем углу, среди груды металлического лома и ненужных досок, я нахожу пару старых рам, как для картин. Они небольшие, сантиметров двадцать по самой длинной стороне, такие можно приспособить под красивую полочку или небольшую подставку.

Я забираю их наверх и начинаю работать с ними. Сначала намываю, как бочки, приходится снова наполоскать кружево в небольшой луже снаружи, и моя абразивная губка готова.

Затем вооружаюсь остатками лент и кружев, и плету внутри рам сетку, повязывая концы лент на краях. После плету толстую косу из лент и сооружаю ручку. Вот — мягкая прямоугольная корзина готова. Такую не стыдно подарить Молли, пусть она носит в ней яйца.

После обеда я отправляюсь к куриной Молли. Джейкоб идет со мной. Мы легко находим её дом, благодаря точным указаниям Розы. Небольшой покосившийся забор ограждает участок с таким же старым дряхлым домом и несколькими небольшими сарайчиками — курятниками. Молли выходит из одного такого и сдувает с лица короткую прядь черных седеющих волос.

Она сухая женщина с неприязненно насупленным взглядом. Глаза черные и от привычки щуриться узкие. Она смотрит на нас несколько мгновений, потом подбирает юбку простого зеленого, как и у многих в деревне, платья и идет к нам.

— И вы пришли за яйцами, да? — встречает меня Молли, не пытаясь скрыть недовольство. — Тоже будете ругаться, что цена высокая? Или Её Благородие пожелает забрать и вовсе бесплатно?

Я спокойно смотрю ей в глаза и отвечаю:

— Мы пришли с уважением, Молли. Я нуждаюсь в ваших яйцах, но я готова заплатить за них. Вот, держите, — я показываю и вручаю ей медяк. — И еще, у меня есть небольшой подарок для вас.

Молли с недоверием берёт монету, но остается все такой же колючкой. Я принимаю из рук Джейкоба свою мягко-жесткую корзину и протягиваю ей. Молли осматривает её с интересом и легким восхищением. Она вскидывает на меня удивленный взгляд.

— Это что? — спрашивает она.

— Самодельная корзина, в ней может быть удобно носить яйца, — отвечаю и начинаю нервничать, вдруг мое ноу-хау Молли сейчас поднимет на смех. Вот будет конфуз!

— Хм, занятная вещица, — Молли наконец немного расслабляется, разглядывая подарок. — Я буду продавать вам яйца. Два медяка в неделю. И не надо кричать, что дорого! — Она повышает голос, будто я уже начала качать права. — Всё Винсент! Он цены на зерно ломит? Ломит! А мне чем куриц кормить? Зерном, верно! Которое Винсент втридорога продает! Вот и выходит, что яйца дорогие. А они не дорогие, нормальные они!

Эко у неё наболело.

— Все хорошо, Молли, — успокаиваю её жестом. — Я согласна на два медных в неделю. А может, вы скажете, где этого Винсента искать? Я бы с ним потолковала.

С этими словами я бросаю на Джейкоба многозначительный взгляд, и он выпячивает грудь, показывая, что толковать с Винсентом на самом деле будет он.

— Я могу сказать, где он живёт! — Молли заметно оживляется, видя надежду в моих словах. — Он живет вниз по дороге в сторону Инкервилля, дом в конце.

Я кожей ощущаю её раздражение, вижу её боль, стойкость этой женщины мне нравится. Вместе с ней меня саму уже ярит этот Винсент. Я не выношу несправедливости. Люди, наживающиеся на несчастье ближнего — подлые!

— Я разберусь с Винсентом, — говорю, улыбаясь. — Поверьте, я знаю, как добиться справедливости. Скоро он снизит цены.

Молли уходит в дом и выносит оттуда пузатый холщовый мешок, в котором угадываются силуэты яиц.

— Буду ждать, что вы справитесь с этим Винсентом, — она протягивает мешок мне нехотя, будто не хочет с ним расставаться.

Я улыбаюсь и прощаюсь с ней.

Мы с Джейкобом идем обратно в таверну. Я испытываю странную смесь тревоги и ощущения выполненного долга. Ну какой-то долг я все-таки я выполнила — раздобыла яиц для таверны. За куриным мясом схожу к ней в другой раз.

Джейкоб заходит в таверну, а я остаюсь на крыльце, чтобы успокоить мятущиеся мысли, и вдруг начинаю слышать очень пугающий гул. Он приближается. Звучит так, будто кто-то бьет по воздуху лопастями от мельницы.

Я поднимаю голову к небу, и страх сковывает меня. Я даже забываю вдохнуть, а в душе кипит такая лютая паника, что, если выживу, я точно найду на голове седые волосы.

21. (Эдвард)

— Ваше Величество, я пришёл обсудить с вами один важный момент, — Альфред, стоя у дверей моего кабинета, слегка наклоняет голову.

Говорит привычно уверенно.

Я не отрываю взгляда от бумаг, которые лежат передо мной. Доклады, статистика, отчёты казначеев — всё это сейчас для меня пустое, неинтересное. Мои мысли занимают совсем другие вещи. Но и игнорировать советника неправильно.

— Да, о чём речь? — говорю, не поднимая глаз.

Альфред шагает ближе

— Ваше Величество, мы получили информацию о недовольстве в провинции Альрель, — произносит он аккуратно. — Крестьяне протестуют против нового налога, и мы рискуем потерять контроль над территорией, если не вмешаемся. Я предлагаю подумать над мерами для стабилизации ситуации. Возможно, временно снизить налог или отправить к ним особую делегацию?

— Налоги… Как всегда, они вызывают недовольство, — тяну задумчиво. — Пусть побунтуют. Если сами не прекратят, я к ним слетаю. Лично

— Вы решили, что будете делать с императрицей? — тон Альфреда становится более настойчивым, но он явно старается не перебарщивать с давлением.

Я понимаю его озабоченность, но мне никак не решить этот вопрос. Я молча закрываю документы и наконец поднимаю взгляд. В его глазах читается ожидание.

— Нет, не решил. Я не готов к решению, — отвечаю я, не скрывая усталости в голосе.

Советник не отводит взгляда.

— Вы не можете оставлять этот вопрос открытым, — более твердо выговаривает он. Я даже слышу в голосе упрек. — С политической точки зрения, нам нельзя оставлять эту неопределенность. Предательница, даже если она ваша жена, должна понести наказание. Вам нужно принять решение.

— Я не готов, Альфред, — повторяю я, хотя знаю, что он прав. — Разговор закончен. Если больше вопросов нет…

Прошло всего десять дней, а мной владеет жуткая тоска. Я не могу отправить Аделину на казнь, несмотря на её проступок. Я её ещё не отпустил.

Альфред тактично уходит, а я поднимаюсь из-за стола и выхожу на широкий просторный балкон. Камни изрезаны следами когтей. Веду рукой по гранитному парапету, всматриваюсь в низкое небо, набрякшее облаками, точно мокрыми клоками сизой шерсти. Я не получаю от неё вестей. Как она там? Меня выворачивает от тоски и одновременно выжигает ярость, когда я вспоминаю, что Аделина спуталась с послом из Инкервиля. Писала любовные письма… Так, собственно, я и узнал об интрижке, о предательстве.

Аделина предала меня и должна быть казнена. Я пытаюсь себя в этом убедить, но не получается. Мое сердце сопротивляется этому, хотя и пылает от испепеляющего чувства предательства.

То ли багровое марево предзакатного солнца, то ли небо, подернутое лиловыми всполохами, что-то сидит внутри. И я понимаю, что больше не могу тянуть ни секунды. Я должен увидеть Аделину. Должен спросить, зачем она меня предала. В конце концов, пусть хотя бы объяснит! Может, благодаря этому я смогу наконец определиться…

Я отхожу к центру балкона и обращаюсь в истинную форму. К моему возрасту это уже почти безболезненная процедура, но ощущение трансформации тела всегда взбивает в крови адреналин.

Император Эдвард Дарквелл в драконьей ипостаси

Я раскидываю крылья и в один взмах срываюсь с балкона, взмываю в небо. Ощущение свободы пьянит. Я видел все свои владения сотни раз с высоты полета, поэтому безошибочно выбираю курс на деревню Хрустальную, куда велел сослать императрицу. Там приятный климат и одно из моих предприятий — добыча горного хрусталя. Она бы смогла там жить вполне сносно. Ровно до момента казни.

Вскоре я зависаю над деревней Хрустальной. Местные жители, завидев мою тень в небе, начинают падать на колени, в страхе, с трепетом, как всегда, когда видят меня. Мой драконий силуэт легко узнаваем.

Снижаюсь над деревней и лечу к небольшому особняку при руднике хрусталя. Легко касаюсь лапами балкона на верхнем этаже и обращаюсь в человека. Вхожу в пустой зал с обтянутой чехлами мебелью и понимаю, что Аделина точно не здесь. Для неё особняк бы подготовили.

Ко мне уже бежит здешний мажордом Бернард, мужчина средних лет с идеально вышколенными манерами и густыми седеющими волосами

— Где императрица? — сам слышу в голосе рык.

— Её Величества нет, милорд, — блеет Бернард.

— И не появлялась?! — У меня в душе разливается дьявольский огонь.

— Никак нет, милорд, — отвечает Бернард, бледнея.

Выхожу на балкон. Аделина. Черт бы тебя побрал! Нет, я не хочу верить, что она сбежала! Как её искать? Не летать же по всем селам, спрашивая у местных? Скорее всего, если и сбежала, подалась в Инкервиль, к своему сэру Симону Симрону. Имя-то какое идиотское! Как и у всех в Инкервиле!

Я обращаюсь в дракона и перелетаю на базарную площадь. Местные падают на колени и благоговейно смотрят на меня. Я обращаюсь в человека и прохожу по рядам. Сам не знаю, зачем.

— Подходи, налетай! — справа доносится зычный мужской голос. — Стеклодув Мурано из Инкервиля предлагает лучшие бутыли. Сама императрица оценила!

Желудок схватывает спазм. Я столбенею на месте, потом поворачиваюсь. Подхожу. Этот прохвост инкервильский не знает, кто я.

— О, добрый человек! Подходите! Бутылочки хороши, — он радостно смотрит на меня, показывая подгнившую улыбку. — Буквально пару дней тому назад сама императрица у меня купила несколько таких!

— Где она? Где моя императрица? — я говорю, не скрывая враждебности в голосе.

Паршивец Мурано крупно вздрагивает, удивлённо уставляется на меня и, похоже, пугается до чертиков.

— Так она того… ми…лорд… — заикается он. — Миледи… Она в Зеленой деревне, Ваше Величество. В таверне заведует. Мы с ней немного пообщались, она купила у меня пару бутылей для своих нужд.

Меня затапливает запредельный гнев. Какого черта она в Зеленой деревне?

Я уверен, что сама бы ни за что не поехала туда. Там гниль и топь! Только если что-то заставило её. Дьявол! Все сходится! Через Зеленую проходит дорога в Инкервиль, сама деревня прямо на границе!

Похоже, моя женушка пыталась сбежать в Инкервиль, но что-то пошло не так, раз она завладела тамошней таверной. Не иначе как козырнула императоскими вензелями на карете!

Неужели Она думает, что я её не достану? Ну что ж, я её найду. И заставлю пожалеть! Держись, моя ненаглядная Аделина, тебе не сдобровать!

Я снова превращаюсь в дракона и лечу в Зеленую деревню. Очень скоро леса подо мной становятся заболоченными. Рельеф спускается к низине. Мерзкое, гиблое место.

Окидываю деревню яростным взглядом и пикирую к таверне. Таверной же заведует моя Аделина? Сейчас и повидаемся! Земля стремительно приближается, и я различаю мою неблаговерную на крыльце. А она видит меня и… вдруг теряет равновесие. Заваливается назад и безжизненно оседает на дощатый настил…

Касаюсь земли в грязище напротив таверны. Аделина не двигается, кажется, потеряла сознание. Не медля ни секунды, я обращаюсь в человека, подхожу и подхватываю её на руки. Моя ярость стихает, только гнев остаётся. Но сначала надо привести эту дрянь в чувства.

— Ты… — шепчу я, прижимая её к себе, и направляюсь в таверну, — как ты могла?

Я не могу быть жестоким с ней, когда она в таком состоянии, но внутри меня бушует буря. Осторожно касаюсь пальцами её лица, провожу по нежным губам. Я тосковал по тебе, тварь, а ты… снова предала меня!

Открываю себе дверь ногой и вношу Аделину в зал. Пахнет какой-то стряпней и очагом. Ко мне навстречу выбегает служанка моей жены, змеюка Бетти.

— О, Ваше Величество! Что случилось с госпожой Аделиной? Она… — Бетти подскакивает ко мне с испуганным лицом.

— Покажи, где у вас тут пригодное место, чтобы её положить! — рычу от тупости этой девки.

— Пойдемте, милорд, — лопочет она, — я покажу, куда её положить!

Я укладываю Аделину на кровать в одной из комнат на втором этаже, а сам усаживаюсь в изножье. Я дождусь, когда она придет в себя. Этот обморок не поможет Аделине скрыться от моего гнева.

22.

Я постепенно прихожу в себя. Голова слегка кружится. Не покидает ощущение, будто я провела целую вечность в темном сне. Открываю глаза и вижу себя на кровати, укрытой покрывалом. Меня не раздели, на мне все то же грязное платье, и я мысленно чертыхаюсь, что теперь ещё и покрывало стирать придется.

Поднимаю взгляд и невольно цепляюсь им за человека, сидящего в углу комнаты на… табурете из зала, который, похоже, ему одолжила Бетти.

Он не двигается, его глаза фиксируются на мне с такой интенсивностью, что внутри всё сжимается. Его присутствие одновременно пугает и подавляет.

Я помню его лицо, хотя мы виделись не при самых приятных обстоятельствах и в моей нынешней жизни только раз. Это муж моего тела. Муж Аделины, Его Величество император здешних земель. Я хочу к нему обратиться и с ужасом осознаю, что не знаю его имени.

— Что вы здесь делаете, Ваше Величество? — спрашиваю, пытаясь хоть немного вернуть контроль над собой.

Мой голос звучит холодно, но внутри что-то предательски дрожит. Откуда взялся император, когда на меня пикировала огромная летающая тварь, как из Игры престолов?

А потом вспоминаются слова Бетти о броши в виде дракона, которую я положила в бутыль с водой. Так это? Мой, точнее, муж Аделины — дракон-оборотень?! Мозг мгновенно вскипает, пытаясь придумать этому объяснение.

Так, ладно. Сейчас важно дышать. Делаю медленный вдох и ещё более медленный выдох. Аделина знала, что он дракон, значит, и я должна знать.

Сердце колотится под шеей. Ладони ледяные, и я прячу их под покрывало. Чуть не засыпалась! Ставлю себе мысленную пометку, узнать у Бетти немного о своем супруге.

Я пытаюсь сидеть прямо, но слабость в теле мешает. Император молчит, но его взгляд становится тяжелее. Мужчина пожирает меня этим взглядом, и я улавливаю в нем искреннюю чистейшую ненависть.

— Я тебя искал, дорогая жена! И вот нашел! Не притворяйся, Аделина, — цедит он низким голосом с опасной интонацией. — Ты пыталась сбежать. Ты думала, что сможешь скрыться в Инкервиле, под бочком у своего посла?

Мой разум взрывается. Что он себе навыдумывал?! Обвинять меня после того, что сам же отправил меня в эту глушь?! Голова слегка кружится, так бы вскочила.

— Какой посол?! О чем вы вообще говорите? — в голосе я слышу, отчаяние, переплетающееся с возмущением. — Вы сами меня сюда сослали! В эту проклятую топь, чтобы я тут умерла или от холода, или от хвори! Не пристало же императору марать руки казнью жены!

Он молчит. Лицо мрачное, как черная туча. Взгляд свирепый и недобрый.

— Аделина, что ты такое несешь? — скрипит он. — Я отправил тебя в деревню Хрустальную! Это ты изменила маршрут! Скажи, зачем? Скрыться хотела?

— Ваше Величество! Вам память отшибло?! — продолжаю, не в силах сдержать ярость. — Меня сюда привез Джейкоб по вашему указу! Забыли, как подписали это распоряжение?! Отправили меня на смерть, а теперь явились с обвинениями?

Ещё несколько тяжелых мгновений проходит в молчании. Император буравит меня черным взглядом, ноздри ходят ходуном. А потом он вдруг переключает пластинку, делает бесстрастное лицо.

— Ты снова врешь, Аделина, — бросает он, явно не поверив ни единому слову из моей тирады.

Как же Аделина умудрилась настолько подорвать его доверие?

— Не верите, Ваше Величество? — сама слышу, что возмущения в голосе стало ещё больше. Меня просто взрывает его твердолобость!

Я быстро хватаю с тумбочки указ, который лежал рядом, и протягиваю его ему. Его взгляд скользит по бумаге, опускается все ниже, а лицо становится злее.

Указ с печатью

— Посмотрите внимательно, Ваше Величество, — в мой тон просачивается едкость. — Ваша подпись, и печать была не вскрытая. Вы отправили меня сюда, не смейте перекладывать вину на меня!

Он ещё несколько мгновений изучает указ, потом сворачивает и разочарованно вручает мне.

— Я не писал этого, это подлог, — бросает он жестко. — И я разберусь, как ты это провернула! Я не стал бы обвинять тебя, если бы не совпадения. Слишком много совпадений.

— Я-а?! — аж поперхиваюсь воздухом!

— Соглашусь, слишком извращенно для тебя, — тянет он с дьявольской ухмылкой. — Но как-то же ты умудрилась отправить себя поближе к своему послу!

— Снова к послу! — Голова идет кругом. Он просто непробиваемый чурбан! — Что значит «слишком извращённо»? Вы меня не понимаете, Ваше Величество? Это не подделка, это ваша собственная подлость! Вы отправили меня в эту чёртову деревню, сами прекрасно зная, что я буду там умирать от хвори и холода! Сами-то не слышите абсурдность обвинения? Я сама себя отправила…

Замолкаю, понимая, что ничего не понимаю. Точнее, нет. Определенно, мне достался один фрагмент пазла, какого черта я оказалась в этом положении. Точнее, Аделина, но теперь я. Инкервиль. Посол. Император считает, что жена изменила с послом? Какой же дурой надо быть, чтобы променять на какого-то посла целого императора?

— Не отпирайся. У меня неопровержимые доказательства твоей связи с инкервильским послом…

Его лицо тускнеет, он явно пытается заглушить эмоции, но они слишком сильны. А я… Мне больно смотреть на его холодное лицо. Наверное, это остаточные нервные реакции тела настоящей Аделины.

Он так и продолжает сидеть, в упор глядя на меня. Я не могу понять, что происходит в его голове.

— Я не хотел, чтобы ты страдала, — наконец говорит он вмиг осипшим голосом. — Я не приказывал отправить тебя сюда и разберусь, как тебе достался подложный указ.

Я замираю, не в силах поверить в его слова. Неужели он всё-таки чувствует что-то к своей жене? Борьба внутри него реальна или лишь плод моего воображения?

Император поднимается с табурета, делает пару шагов по комнате ко мне, но останавливается. Не подходит, хотя я по глазам вижу — он истосковался.

Он не говорит больше ни слова, поворачивается к выходу, и его взгляд цепляется за предмет, о котором я и вовсе забыла.

— Аделина, — тянет медленно Его Величество, — А это… что здесь делает?

23.

Я прослеживаю его взгляд — он смотрит на свой портрет, который я увезла из дворца и поставила на подоконник. На лице искреннее удивление, а где-то в глазах поблескивает радость.

— Я поставила его, чтобы держать лица врагов в памяти, — отвечаю холодно.

Наверное, ему было бы больно такое услышать, если бы он меня любил. Часть моего существа сожалеет об этих словах, я никогда не делалала гадостей нарочно, назло, чтобы уязвить, но сейчас оно как-то само вырвалось не знаю, как.

Император несколько мгновений с интересом рассматривает портрет, но раздражение, витающее в воздухе, ощущается кожей.

Он делает шаг ко мне и, уперев большие красивые ладони в подушку по краям от моей головы, пронзительно смотрит в глаза.

— Враг? Ты меня так называешь? — его губы трогает опасная жестокая улыбка. Тепло его тела облизывает кожу, и тело Аделины отвечает на такое близкое присутствие мужа непрошенным возбуждением. — Мне бы стоило тебе показать, что такое враг. Хотя бы за то, что ты предала меня. Но я великодушен. Прощаю несмышленых девушек.

Я смотрю ему в глаза, задыхаюсь от его близости, а сердце быстро стучит в груди. И наглости. Это не великодушие, это… какое-то извращенное благородство!

— Да ну сколько можно меня обвинять?! — вспыхиваю. — Ты сослал меня сюда, я лишь пытаюсь вернуть этому месту жизнь!

Он снова замолкает, словно не зная, что ответить. А в его глубоких темных глазах угрожающе скапливается тьма. Я сдерживаю вдох. Аделина явно любила этого человека, и сейчас от одного пронизывающего взгляда я испытываю трепет.

Император вдруг наклоняется и тянет носом у моего виска, отчего я вжимаюсь в подушку.

— Удивительно, Аделина. — Он выпрямляется и холодно смотрит на меня. Дьявольский огонь в глазах погас. — Ты даже в этой грязи умудряешься быть притягательной… Но больше не для меня!

Последнее он почти выплевывает, будто сам пытается себя уговорить, убедить в том, что чувств к жене у него не осталось. Разворачивается и решительно направляется к двери, а во мне поднимается волна иррационального протеста. И возмущения. Пришел весь такой негодующий, наговорил мне всяких гадостей, накидал обвинений и… просто уйдет?!

— Постойте! — кричу я, ему вслед. — Вы не можете просто уйти! Мы не закончили!

Я вскакиваю с кровати и направляюсь за ним. Догоняю уже в зале таверны. Он стоит у стойки и в упор рассматривает чудо моей инженерной мысли для хранения воды. Не понимаю, что его так зацепило, но выглядит он уязвленным.

— Вот так ты с моими подарками? — спрашивает он низким пробирающим до костей голосом.

Ах да. Дракон, о котором говорила Бетти. Вы только посмотрите, наш император огорчен?

Я не могу сдержаться, отвечаю ему с лёгким уколом:

— Не обессудьте, Ваше Величество, — сама слышу в голосе издевку. — Вы отправили меня сюда на смерть. Простите, что разочаровала вас — умирать я не планирую. Я лишь смиренно приняла вашу волю и выживаю тут как могу.

В этот момент из кухни выходит Бетти и делает небольшой книксен.

— Ваше Величество, добрый вечер, — лопочет она услужливым тоном. — Я говорила Её Величеству, но люди в этой деревне болеют. А серебро… очищает воду. Простите её, пожалуйста.

Тон к концу становится заискивающим, и мне хочется услать девчонку подальше, чтобы не мельтешила под ногами. Однако я сдерживаю себя. Император несколько тягучих мгновений смотрит на дракона в бутыли, затем переводит взгляд на меня.

— Хорошо, я принимаю твой протест, Аделина, — тяжело выговаривает он. — А теперь меня ждут дела!

С этими словами он порывистым шагом направляется к двери и выходит на улицу. Я бегу за ним, сама не понимая, зачем — наверное, это порыв тела Аделины — и вижу, как он выходит на середину дороги перед таверной, и вокруг него возникает дымка, как личное персональное облако грозового цвета, в котором сверкают небольшие личные молнии. Оно разрастается, заполняя почти всю дорогу, а потом, вдруг развеивается, и вместо Императора я вижу величественного дракона, которого теперь, уже зная о нем, могу рассмотреть во всех деталях.

Он действительно большой! Огромный! Как слон, наверное. Только несмотря на размеры — его движения грациозны и плавны. Длинная гибкая шея, словно гипнотическая кобра, медленно покачивается. Четыре лапы заканчиваются острыми длинными когтями. За спиной мощный хвост. Такой в состоянии сбить с ног лошадь. Взгляд ледяных глаз пронзительный и цепкий. Черная чешуя блестит в лучах вечернего солнца. Из-за тонких шипов, покрывающих хребет ящера, заостренных чешуек, скачущих по ним отраженных огоньков ящер кажется высеченным из обсидиана — такой же опасный, колючий, смертоносный и… притягательный.

И тут он расправляет огромные черные крылья, чем-то напоминающие крылья летучей мыши. Только они гладкие, блестящие и тоже как будто сверкают колючим блеском. Заслоняют от меня небо.

Махина взмахивает своими огромными крыльями и взмывает в воздух, выбивая из глинистых луж всю воду. Стою и завороженно смотрю на это существо, исполненное грации и мощи. От осознания, насколько я маленькая и беззащитная против него, в бедрах застревает дрожь. Снова проделки тела Аделины. Она ведь знала, что её муж — дракон? Каково ей было?

Шаги Бетти за спиной заставляют вздрогнуть. Оборачиваюсь.

— Госпожа, — тихо шипит она. — Ваш муж… он улетел?

Она боится его до одури, стоит втянув голову в плечи. Во мне все же меньше страха.

— Да, упорхнул, как перелетная птичка, — отшучиваюсь. — Бетти… Скажи, а ты много о нем знаешь?

24.

Бетти смотрит на меня долгим удивлённым взглядом. Ее напряжение и страх никуда не уходят. Вот как так? Дракон улетел, его тут нет — а подавляющая властная аура всё никак не испарится. В таком состоянии моя служанка мне ничего не скажет. Бедняжка, кажется, переживает больше моего. Это она ещё про обещание императора казнить ее со мной за компанию не знает…

— А что у нас сегодня на ужин? — пытаюсь отвлечь Бетти от пережитого стресса. Потом ещё раз попытаюсь расспросить. В более спокойной обстановке.

Девушка немного расслабляется. Потом всплескивает руками и с криком «Как я могла забыть? Сейчас убежит!» кидается на кухню. Я спешу за ней. Бетти подбегает к горшку в очаге, из которого лезет пена. Падая в огонь, она шипит, а ее изначально ароматный овощной запах быстро превращается в прогорклый.

Девушка по незнанию или неопытности норовит схватить посудину руками, но я вовремя оттесняю ее и подхватываю горшок зажатым в руках полотенцем. Быстро перетаскиваю на стол. В горшке бурлит. Из-под крышки с пеной вырывается густой ароматный пар.

Бетти тяжело дышит и наконец отвечает на вопрос:

— Суп. На ужин овощной суп.

Пока мы разливаем его по тарелкам, я предпринимаю новую попытку:

— Бетти, помнишь, я говорила, что потеряла память? Так вот, она пока никак не хочет возвращаться. Помоги мне вспомнить моего мужа. Какой он? Чего от него ожидать?

Бетти медлит. Но наконец оглядывается и, убедившись, что никого, кроме нас, на кухне нет, отвечает:

— Ваше Величество! Я бы и рада помочь, но вы никогда особо не откровенничали со мной. Не рассказывали про Его Высочество… А так я знаю то же, что и все: император Эдвард Дарквелл — великий, строгий и при этом справедливый правитель. Храбрый воин. Могучий дракон.

Подобное можно сказать о любом диктаторе. Это не то, что мне нужно. Поэтому стараюсь направить мысль Бетти в другом направлении:

— Ну а что он за человек? Злой? Капризный? Несдержанный? Может, обижал меня?

Служанка пристально смотрит на меня, а потом выдает:

— Ваше Величество, после замужества вы казались мне счастливой женщиной. Как было на самом деле, я не знаю. Но вы ни разу не дали повода заподозрить Его Величество в жестокости по отношению к вам. Наоборот. Он вас баловал.

— Это как?

— Дарил подарки. Платья. Драгоценности.

Мой муж из той, другой, жизни тоже меня баловал. Нет, драгоценностей или брендовых шмоток не дарил. Смешные кружки к празднику, очередной ежедневник, или очередная приспособа для кухни, типа чеснокодавки — предел его фантазии. Но, как показала жизнь, подарки ещё ничего не значат. Может, соседке мой бывший неблаговерный дарил что-нибудь более существенное. Но этого я уже не узнаю.

А Бетти вдруг восклицает:

— Вспомнила! Вы говорили как-то, что ваш муж очень по характеру похож на Дориана из вашей любимой книги «Тайны сердца»!

Лёгкое отвращение бывалого редактора волной пробегает по телу. Господи, ну и название! Но, видимо, придется почитать. Может, на страницах книги я найду какие-нибудь ответы…

— А она у нас тут есть?

— Ну как же, Ваше Величество! Я сунула ее в сундук перед поездкой сюда…

Точно. Было такое. Улыбаюсь своей помощнице:

— Спасибо, Бетти. Ты это здорово придумала!

После ужина я планировала заняться последними неубранными комнатами, но силы на исходе. Кажется, эмоциональная встряска от визита муженька высосала остатки энергии. Из последних сил убираю со стола, мою посуду в нагретой заранее воде и, ощущая тяжесть во всем теле, с трудом поднимаюсь по лестнице.

Организм требует сна, но я должна, просто обязана понять, что за человек (и человек ли, если он, по сути, дракон) мой, то есть Аделины, муж. Поэтому меня ждёт чтиво…

Книжонка, честно говоря, дрянная. Типичная сентиментальная история. И единственный ее несомненный плюс — это весьма и весьма колоритный главный герой Дориан. Могучий дракон. Горячий, несокрушимый, властный, неумолимый, решительный. И при этом заботливый, верный, трепетный и нежный. Вот так коктейль!

А ещё книга переполнена слезливыми многословным письмами. От них во рту становится приторно сладко. Вот хотя бы такое:

«Дорогой мой,

С каждым днем, когда я думаю о тебе, мое сердце наполняется нежностью и теплом. Ты — как светлая звезда, освещающая мой путь в темные времена. Я часто вспоминаю наши встречи, когда время останавливается, и мир вокруг нас исчезает. В твоих глазах я вижу отражение своих самых сокровенных мечтаний.

Каждое мгновение, проведенное с тобой, словно волшебство, которое окутывает меня своей магией. Я чувствую, как твое присутствие наполняет мою жизнь смыслом и радостью. Ты — мой вдохновитель, мой друг и моя любовь.

Я мечтаю о том дне, когда мы сможем быть вместе, когда наши сердца сольются в едином ритме. Пусть расстояние между нами будет лишь временным испытанием, которое мы преодолеем с достоинством и верой в наше счастье.

С любовью и нежностью,

Твоя преданная поклонница…»

Просыпаюсь от крика петуха. Кажется, я так и уснула — с книжкой в руках. Она мне толком так и не дала понять, каков из себя Эдвард Даркwелл. Слишком уж противоречивый характер получился у его литературного двойника Дориана.

Любимая книга Аделины «Тайны сердца»

С такими невеселыми мыслями вхожу в новый день. Скоро все просыпаются. Когда на кухню вползает сонная Бетти, я как раз нарезаю на порции омлет. Завтракаем в привычном составе. Как только мы завершаем трапезу, в главном зале слышится скрип входной двери и глухой топот.

Вскакиваю и иду посмотреть, кого там принесло в такую рань. Вдруг новый постоялец. Или, не дай Бог, муженёк вернулся…

Увидев вошедшего, я резко останавливаюсь. В душе борются разочарование и радость.

25.

У двери скромно топчется Джон. При моем появлении он кланяется и протягивает матерчатый узелок:

— Ваше Величество! Это вам от Матильды. За то, что не оставили нас в беде и подняли меня на ноги.

Принимаю подарок. Узелок крепкий, набит чем-то мелким, круглым и твердым. Кажется, орехами. Благодарю и отмечаю, что плотник выглядит гораздо лучше, чем пару дней назад, но с легким укором добавляю:

— Вам бы, конечно, стоило отлежаться еще хотя бы денек! Я все равно собиралась зайти проведать вас…

— Куда лежать, когда столько дел накопилось?! Как на ноги поднялся, сразу пришел к Вам, — немного смущенно отвечает Джон.

Следующие пару часов мы с ним ходим по таверне, изучаем каждую комнату, обсуждаем возможности. Он проверяет мебель, изучает дыру в кухонном полу, с которой мы жили все эти дни.

С нескрываемым удивлением рассматривает собранную мною этажерку. Потом ласково поглаживает покатые бока бочек, вполуха слушая мои планы сделать из них шкафы или тумбы.

После этого погружается в мысли и через некоторое время предлагает пути решения.

Начать, конечно, надо с пола в кухне. Причем вывод Джона неутешительный: менять надо целиком, ибо доски сгнили почти полностью. И только каким-то чудом, не иначе, мы все не провалились вниз раньше.

Для ремонта нужны доски, а их после изоляции и частичного вымирания деревни взять особо неоткуда. Хорошие доски пригодились бы и при починке остальных помещений и мебели, но проблема та же — взять их негде. Идея переделать бочки в тумбочки Джону понравилась. Но и тут, ясное дело, — нужны доски и петли…

Джон уходит, а я остаюсь наедине с грустными мыслями. Ума не приложу, что делать и как быть. И очень ясно осознаю, что если я не придумаю выход, то никто это не сделает. И вместо беспомощности и отчаяния опять накатывает злость.

Поскольку в моих обстоятельствах надо использовать всё, то и злость я тоже решаю направить в созидательное русло. Пока мой боевой настрой и пламя ярости не угасли, беру Джейкоба и направляюсь с ним к Винсенту. Я взвинчена настолько, что, кажется, готова разорвать дельца голыми руками и без участия сопровождающего меня крепыша.

Закутываюсь в теплый плащ, чтобы прикрыть жалкое состояние платья. Постирать его пока не было возможности, да и вряд ли получится избавиться от сложных пятен в этих условиях. А пачкать те немногие наряды, которые остались после моих дизайнерских экспериментов, не стоит.

Ледяной ветер нещадно лупит по лицу, ноги вязнут в грязи. Со смачным хлюпаньем с трудом вытаскиваю их из липких и холодных объятий противного месива.

Подходим к последнему дому на улице. Он обнесен крепким высоким забором. Выглядит явно лучше, чем остальные жилища. Собака во дворе заливается хриплым воем.

Джейкоб стучит в ворота. Собака истошно лает. Через некоторое время ворота приоткрываются. В узенькую щелочку показывается злобный глаз. Настороженный голос спрашивает:

— Кто?

— Её Величество императрица Аделина Дарквелл! — грохочет Джейкоб. — Открывай немедленно.

Одна створка со скрипом распахивается и пропускает нас во двор. Я бросаю быстрый взгляд на согнувшегося в поклоне мужчину и, не спрашивая разрешения, сразу направляюсь к дому. Изображаю величие и властность, но на самом деле мне просто хочется в тепло.

Входим. Убранство тут однозначно лучше, чем у тех крестьян, кого я успела посетить. Во дворе до хрипоты надрывается собака. И больше никаких звуков: ни детского плача, ни ворчания супруги, ни перебранки слуг вполголоса за стенкой. Да и беспорядок намекает на отсутствие хоть какого бы то ни было женского присмотра. Выходит, Винсент живет один? Вот сквалыга!

Останавливаюсь по центру комнаты и натыкаюсь взглядом на хозяина дома. Он такой худой и немощный, что Джейкоб может случайно убить его простым прикосновением… Значит, воздействовать на скупердяя буду я. Тем более, я императрица — или кто? Не пристало мне прятаться за спинами слуг. Надо решать проблемы самостоятельно. Дипломатическим путем, а не грубой силой.

Взгляд скряги острый, злобный, настороженный. Он прекрасно понимает, зачем я пожаловала. Трясущиеся бледные губы под крючковатым носом сжимаются в тонкую линию. Он всем своим видом демонстрирует, что не собирается уступить ни медяка.

Каким бы жалким и слабым Винсент ни выглядел, я отчетливо ощущаю: передо мной жестокий хапуга. Стоит мне дать слабину, и он вцепится в мое императорское горло. В переносном смысле, конечно.

— Джейкоб, — прошу не оборачиваясь к охраннику, — принеси мне стул. Нас ждет до-о-олгая беседа.

Великан молча выполняет приказ. Я по-хозяйски сажусь и втыкаю в Винсента суровый взгляд. Он выдерживает. Я делаю первый ход:

— Здравствуйте, Винсент. Вы догадываетесь, по какому вопросу я пришла?

Он хищно улыбается и протяжно произносит со змеиной интонацией:

— Ваш-ше Величество желает приобрести зерно для таверны?

— И это тоже, — прибавляю голосу деловой холодности. — Но я здесь не как потенциальный покупатель, а как защитница простого люда, который вы внаглую обдираете.

Его глаза на миг расширяются. Он не ожидал, что я начну вот так сразу. Но надо отдать ему должное, он прекрасно держит себя в руках. Через мгновение передо мной все тот же волк в овечьей шкуре. И он делает, как ему кажется, отличное предложение:

— Ваше Величество! Я готов продавать Вам зерно по обычной цене. Только вам, как самому дорогому и ценному клиенту!

Вскидываю бровь и спрашиваю:

— И по какой это цене, если не секрет?

Винсент продолжает, жадно потирая ручки:

— Вам — по медяку за фунт, а остальным, соответственно, по три медяка.

Фунт — это сколько? Кажется, граммов четыреста. Курицам на полдня… А муки из этого количества сколько получится? Еще меньше…

Я замолкаю, производя все эти расчеты в уме. Он же воспринимает мое молчание как заинтересованность и ужимки. И поэтому тихим шепотом добавляет:

— А еще я буду платить вам налог. Только вам! В казну — отдельно. Вам — отдельно!

Я смотрю на этого наглеца и теряю дар речи от его непоколебимой уверенности в том, будто императрица — это базарная баба или провинциальная жена чиновника средней руки.

Винсент

И если я сейчас что-то не придумаю, то не смогу прижать этого жука. И подведу всех, кто на меня надеется…

26.

Но решение приходит почти мгновенно. С подобным типом людишек есть лишь один способ общения: срывать с их грязных намеков покрывало иносказательности.

— Вы что же, предлагаете мне взятку? — чеканю суровым голосом.

Его глазки тут же начинают бегать из стороны в сторону.

— Дача взятки — это, между прочим, преступление, — отстраненным тоном произношу я и начинаю рассматривать ногти на руках.

Вообще-то, я не в курсе местных законов. Но я хорошо знаю мировую историю. И помню, что государство желает быть единоличным рекетиром. Вы ему — налоги, оно вам — защиту. Собственно, это основа для зарождения любого государства начиная еще со времен Месопотамии. И ни в одной стране не приветствовались налоги мимо кассы, то есть казны.

Винсент сереет.

— Что вы, что вы?! И в мыслях не было… — блеет он бесцветным голосом. — Я всего лишь хотел помочь вам тут освоиться… Вижу же: у вас сложности. Продуктов нет, стройматериалов нет… Думал сделать как лучше…

Ну-да, ну-да… Однако же, местные не слепые и прекрасно видят мое затруднительное положение. Нельзя дать им понять, что это всерьез, а не какие-то придворные игры.

— Ах, это… — скучающим голосом произношу я. — Мы с супругом просто поспорили, смогу ли я прожить сама вдали от столицы и служанок. Ну знаете, эти придворные пари… — зеваю. — Император, конечно, немного нечестно поступил, отправив меня в эту деревню. Не знаю, видели ли вы, но он вчера прилетал проведать меня.

Винсент насупился и молчит. А я уже поняла, чего он реально боится. Поэтому всё тем же скучающим тоном продолжаю:

— Я его попросила прислать сюда немного зерна. Пару тысяч фунтов. Думаю сама продавать… Скажем, по медяку за пять фунтов. Если вы не снизите свои цены, то я точно озолочусь! Все ко мне побегут покупать.

Винсента охватывает мелкая дрожь. Он смотрит на меня, будто я разбойник, который пришел сжечь его дом и убить его семью. Сглатывает. Я встаю, вежливо улыбаюсь и прощаюсь:

— Ну что ж, спасибо вам, Винсент! Я узнала всё, что хотела. До встречи!

Как бы он сейчас не помер от приступа жадности!

Я направляюсь к двери, Джейкоб обгоняет, чтобы открыть мне проход, но за спиной раздается голос Винсента:

— Ваше Величество, — звучит умоляюще. Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь. Жду. — Пожалуйста, не отбирайте у меня хлеб. Давайте вместе установим цены на зерно?

Ох, как мы заговорили! Разворачиваюсь к Винсенту. Сгорбился и посерел ещё сильнее. Ему прямо поперек души уступать, но я — та неумолимая сила, которая заставит его прогнуться.

— Отлично, — слегка киваю. — Медяк за пять фунтов, и ваш хлеб останется при вас, Винсент.

Этот сморчок недовольно вздыхает и поджимает губы, но кивает. Переминается с ноги на ногу.

— Вы точно больше не снизите, Ваше Величество? — спрашивает он неуверенно.

— Нет, Винсент, я сдержу слово, — милостиво склоняю голову набок. — Но только до тех пор, пока вы держите нашу договоренность.

Похоже, это его немного успокаивает, и я прощаюсь с этим куркулём.

Мы покидаем усадьбу Винсента, и Джейкоб, идущий по правую руку от меня, тихо произносит:

— Здорово вы его приложили! Вряд ли у меня так получилось бы…

— Спасибо вам, Джейкоб, — отвечаю доверительно. — Без вашего присутствия мне было бы сложнее провернуть это.

— Уже сегодня к вечеру он снизит цены, вот увидите. Чтобы продать всё, что у него есть, — посмеивается мой охранник.

— Поэтому я отправлю вас к нему за зерном. Прошу лишь не лезть перед остальными покупателями. Всё должно быть честно. Договорились?

Джейкоб молча кивает.

На полпути к таверне на нас обрушивается ливень. Дорога моментально раскисает так, что идти становится совершенно невозможно. Холодные потоки стекают по плащу и пропитывают его, просачиваются через платье и леденят кожу.

Джейкоб подхватывает меня под локоть и помогает идти, но это не спасает от холода. А я понимаю, что если не укрыться, наверняка подхвачу пневмонию.

— Джейкоб, идем туда! — указываю на ближайший дом.

Он сразу слушается и влечет меня к небольшой почерневшей избе.

Я стучу в дверь — никто не открывает. Крыльца никакого нет, ливень усиливается и щедро заливает нас ледяными струями. Джейкоб делает круг вокруг дома и кричит, сквозь потоки воды с трудом разбираю его слова:

— Ваше Величество! Посмотрите на окна! Дом заброшен.

По лицу течет. С трудом вижу, что окна заколочены. Джейкоб прикладывается плечом к двери, и та легко поддается. Мы вваливаемся в дом.

Тут темно и холодно. Не натоплено. На полу ковер из пыли, и наши шаги потоком воздуха разгоняют пушистые комочки. Но зато над головой крыша, и она спасает от лютой непогоды.

Стою на пороге, глядя в небо и пытаясь понять, когда утихнет ливень. Ни намека на просвет. Небо иссиня-лилового цвета, хотя время не перевалило за полдень. Придется задержаться в этой избушке!

Улица на моих глазах превращается в болото, покрываясь огромными лужами. Я захожу внутрь дома. Джейкоб обломком доски выгребает из очага золу. А я прогуливаюсь по комнатам. Мебель на месте, хотя изрядно обветшала. Но обнаруживается добротная кровать, целый шкаф с причудливой росписью на филенчатых дверцах и отличный кухонный стол.

Кажется, я только что придумала, как отремонтировать мою таверну!

27. (Эдвард)

Я медленно шагаю среди причудливых деревьев в висячем саду замка, раскидистые ветви сплетаются в высокие арки, вдоль усеянных цветами аллей гуляет прохладный ветер. Остужает мысли.

Полной грудью вдыхаю свежий, хотя и немного сырой, воздух, мысленно успокаиваю себя. Переговоры с делегацией из Арсанда истощили мои резервы, сейчас нужен отдых. Зато я разрешил вопрос о спорных землях. Мы подписали договор, и это, вроде бы должно было бы принести облегчение. Но в душе тяжело.

На горизонте со стороны Инкервиля огромный грозовой фронт. Молнии вспыхивают в потемневшем небе. И я невольно вспоминаю о жене. Аделина… Как она там, в этой болотистой глуши? В такую жуткую непогоду…

Вспоминаю её лицо, её глаза, ту беспомощность, с которой она смотрела на меня в нашу последнюю встречу. Тоска разрывает сердце, но я тут же одёргиваю себя. Эта бестия устроила подлог приказа, чтобы оказаться поближе к любовничку, а мне в глаза кричала с очень похожим на искреннее отчаянием, что ничего не знает. Все это — часть её игры.

Нет. Это я пытаюсь себя убедить в такой версии. Но сам в неё не верю. Могла ли Аделина это провернуть? Технически у неё была возможность, но её оголенное негодование и ярость за то, что я сослал её в болото, оставляют место сомнениям.

Из мыслей меня вырывают приближающиеся шаги.

Ко мне подходят Альфред с дочерью Джиной.

На ней тёмно-фиолетовое платье с золотыми нитями, украшенное мелкими драгоценными камнями на глубоком декольте. Подходит фигуре, идеально подчеркивает красивые изгибы и роскошную грудь. Длинные тёмные локоны спадают на плечи, а глаза, цвета глубокого изумруда, посылают мне игривые взгляды. Мужчина во мне машинально оценивает её по достоинству, но в самом деле интереса я к ней не испытываю.

Джина

— Ваше Величество, как прошли переговоры с делегацией из Арсанда? — спрашивает ровным тоном Альфред.

— Договорённости достигнуты, — отвечаю, не тая усталости в голосе. — Спорные земли остаются за нами. Ситуация на границе стабильна.

Альфред кивает, но не углубляется в тему, видимо, заметив моё настроение. Слишком остро ощущаю волнение за границами своего государства. Он откланивается, оставляя нас с Джиной.

Она подходит ко мне ближе, окутывая меня приятным, но приторным запахом лилий и персиков,

— Ваше Величество, — начинает она мягко, кокетливо прищурив глаза, — как вы на самом деле пережили эти долгие переговоры? Это утомительно, кажется, даже для такого сильного правителя, как вы.

— Привыкаешь, — отвечаю, стараясь быть холодным, но внутри зреет раздражение. Всё это слишком напоминает какой-то карикатурный танец слов.

— А как же ваши личные переживания? — продолжает Джина, её слова становятся едва заметно более интимными. — Вы правите железной рукой и ведете нашу страну вперед, но разве вы не мечтаете о чём-то другом? Может, о детях, любви?

Напряжение нарастает, и Джина делает медленный шаг вперёд, будто подкрадывающаяся к добыче хищная кошка.

Мне перестает нравиться, как разворачивается этот разговор.

— Я ценю ваше внимание, Джина, но адресуйте его кому-нибудь из вашего круга. — Я произношу это строго и ловлю её разочарованный взгляд.

Правда Джина быстро справляется с эмоциями.

— Разумеется, Ваше Величество. Прошу прощения, если нарушила границы. — Она отходит на шаг и чуть приседает в почтенном книксене, как того требуют приличия.

Я поворачиваюсь и, не сказав больше ни слова, иду обратно в замок. Чувствую затылком прожигающий взгляд. Плевать на Джину.

Спускаюсь в кабинет.

Через несколько минут я прохожу сквозь приемную и окликаю быстроногого помощника Гарена. Он исполнительный и преданный юноша.

— Найди Фарквала, — приказываю я. — Пусть срочно явится ко мне.

Гарен кивает и отправляется выполнить поручение. А я захожу в кабинет и тяжело опускаюсь за стол. Мне надо выяснить, что за подлог с приказом. Надо или вывести Аделину на чистую воду, или оправдать её в своих глазах. Но измена-то все равно никуда не исчезнет! Мысли о том, что она меня предала, терзают сердце и не дают ровно дышать.

Минут через десять дверь кабинета открывается, и в комнату входит Фарквал, как всегда сдержанный, но с тенью тревоги в глазах. Он знает, что вопрос, который я собираюсь задать, не будет лёгким.

Фарквал — начальник моей тайной канцелярии. Он тоже дракон, но его зверь слабее моего. Зато как человек он толковый и умный. Он мой очень далекий родственник из загибающейся ветви. Престол ему не светит, но я возвысил его так, как он бы не взлетел ни за что. Перевез его семью в столицу и выплатил долги.

Он мне предан безоговорочно. Если что-то надо выяснить — в лепешку расшибется, но выяснит. Однако в последние дни он меня сильно разочаровал. Расследование в отношении моей жены пока ни к чему не привело.

Фарквал застывает напротив моего стола. Поза напряжена. Ну конечно. Десять дней — и никаких подвижек. Из доказательств измены — только чертовы письма! Но проблема том, что они написаны моей женой. И кому? Послу со смехотворным именем. Беда в том, что эти письма дышат страстью, глубокими и испепеляющими чувствами.

А ведь я ее любил. На руках носил. Пылинки с нее сдувал. А она вот как мне отплатила… Ну да, пусть она и казалась многим немного глуповатой и поверхностной, но да разве сердцу это важно?

Но когда я увидел эти письма… Клянусь, лишь неимоверным усилием я не сжег предательницу там же, в ее покоях. Я думал, что всё. После этого в моем сердце лишь ледяная пустыня. Я мечтал, чтобы эта тварь страдала так же, как и я.

Императору не пристало быть мелочным. Поэтому я не стал опускаться до мелкой мести. Отправил изменницу не на каторгу или эшафот, а в приличное место. Так нет же! Ей надо было снова изворачиваться, лгать, интриговать. Пытаться сбежать.

Из мрачных мыслей меня выдергивает тактичное покашливание Фарквала. Ах да… Он должен был выяснить, как чертовка подделала документ на таверну…

— Ваше Величество, — голос Фарквала вырывает меня из потока мыслей.

— Да, Джозеф. Что с указом? — спрашиваю я, не скрывая раздражения. — Ты выяснил, это подлог? Кто за этим стоит?

Фарквал принимает свой обычный вид отчётного чиновника и делает шаг вперед.

— Подпись подлинная, Ваше Величество. Она была сделана токен-стоуном, так что приказ был изготовлен в вашей канцелярии, — отвечает он, не встречая моего взгляда.

Киваю. Токен-стоун — волшебный артефакт, который воспроизводит мою императорскую подпись на мелких документах, которые тысячами проходят через мой секретариат. Не буду же я подписывать каждую чертову бумажку! Поэтому у моего секретаря и есть такая волшебная штуковина.

Это не успокаивает меня. Всё становится только мрачнее.

— Ты говорил с секретарем, который имел доступ к токен-стоуну? — спрашиваю я, глядя в глаза Фарквалу.

Фарквал медлит. Рычу, с трудом сдерживая гнев, а на душе мрачно — драконья суть чует неладное:

— Ну?

Он приосанивается, но отводит взгляд.

— Нет, Ваше Величество.

Закипаю внутренне.

— Что тебе помешало? — голос скрипит, даже не пытаюсь скрыть гнев.

Фарквал слегка сереет.

— Он мертв, Ваше Величество. Лихорадка унесла его жизнь, сгорел буквально на глазах, как сказала его жена.

Все загадочнее и загадочнее! Нет, я знаю, что люди смертны, а болезней так много, что не от всех есть лекарства. Но от истории с этим секретарем внутри колет острое чувство, что его гибель была не случайностью.

— Значит, появился новый секретарь? — свирепо спрашиваю я.

— Да. Его зовут Грегори Вальтен, — ровно отвечает Фарквал.

Я сжимаю кулаки. Зацепки обрываются на мертвом секретаре, но я не отступлюсь так просто. Мой зверь уже взял след, и я докопаюсь до правды. И если Аделина сама все это срежиссировала, казню не задумываясь.

— Пойдём, побеседуем с ним, — бросаю Фарквалу со зловещей улыбкой. — И сенешаля пригласим заодно.

Вопросы, которые я собираюсь задать, могут привести к неожиданным открытиям, но я готов принять любую информацию, которая выяснится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.